

С.К.ТРЕМЕЙН

ПРИЗРАКИ ВОДЫ

РОМАН

18+

С. К. Тремейн

Призраки воды

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73960552
С. К. Тремейн. Призраки воды: Вимбо; Москва; 2026
ISBN 978-5-00224-929-9

Аннотация

Корнуоллский детективный триллер, где мистика заслоняет реальность, а прошлое неотступно преследует живых. Готовы узнать, какие необъяснимые силы на самом деле управляют нашими жизнями?

В уединенном Пенуите, у подножия водопада, найдено тело молодой женщины – Натали Тьяк. Полиция так и не смогла прийти к единому выводу: был ли это несчастный случай, отчаянное сведение счетов с жизнью или хладнокровное убийство? С течением времени шанс раскрыть преступление становился все призрачнее. Год спустя дети Натали – сын Соломон и дочь Грейс, живущие в старинном поместье со своим отцом Малколмом, – начинают вести себя странно: они делятся пугающими откровениями, рассказывают о необъяснимых видениях и словно бы знают о смерти матери больше, чем должны.

Чтобы помочь им и разобраться в происходящем, в поместье приезжает судебный психолог Каренза Брей. Пейзажи Корнуолла

– скалистые берега, окруженные суровым морем – завораживают, а древний дом, чей порог она переступает, дышит историей, его стены хранят секреты, уходящие корнями в глубь веков. Погружаясь в прошлое семьи, Каренза осознает: это дело не похоже ни на одно из тех, с которыми она сталкивалась за всю свою карьеру. Постепенно перед ней разворачивается тревожная картина. Эпигенетика подсказывает: травмы не исчезают бесследно. Они оставляют невидимые метки на генах – словно шепот предков, записанный в самой структуре ДНК. То, что когда то терзало поколения Тяков, теперь мучает детей Натали – не как воспоминание, а как закодированный сигнал в их генах. Но что именно?

Чтобы раскрыть это дело, Карензе придется пройти по следам призраков минувших дней, допросить тени забытых событий и отыскать тот самый триггер – травму из прошлого, что запустила цепь этих ужасающих происшествий. Однако с каждым шагом к истине грань между здравым смыслом и безумием становится все тоньше. Сможет ли она раскрыть тайну и не сойти с ума?

Содержит нецензурную лексику.

Содержание

1	10
2	19
3	29
4	41
5	53
6	65
7	78
8	93
9	102
10	111
11	118
Конец ознакомительного фрагмента.	121

С. К. Тремейн

Призраки воды

The Wrecker's Girl by S. K. Tremayne

© Е. А. Тепляшина, перевод, 2026

© Андрей Бондаренко, оформление, макет, 2026

© Litbuk LTD, 2026

© ООО «Вимбо»

Copyright © S. K. Tremayne 2026

Книга издана при содействии Rachel Mills Literary Ltd. и Литературного агентства Эндрю Нюрнберга

Автор выражает благодарность д-ру Ричарду Тейлору, психиатру и писателю, за бесценные сведения из области судебной психиатрии и психологии

Тогда

Дождь, вечный дождь. Эмма открыла дверь и взгляделась во враждебное утреннее небо. Так и есть. Дождь все еще не утих. Она вздохнула, медленно, с чувством. Надо бы все же прогуляться. В доме или слишком жарко, или слишком душно, или слишком холодно, разговоры с родней мужа просто невыносимы, а сам Эндрю где-то вечно прячется, предостав-

для Эмме биться в паутине светской болтовни, – словом, столь ожидаемая поездка на западное побережье Корнуолла обернулась чем угодно, только не расслабленным отдыхом, который Эндрю обещал ей в Лондоне.

Все будет так романтично! Ты только представь, как мы гуляем по скалам.

Какая там романтика. Каждое утро Эмма просыпалась на рассвете, угрюмые серые тучи ползли по небу неумолимо и решительно, будто выполняли миссию. И с миссией этой они справлялись на отлично, а потом еще и Эндрю куда-то запропастился, словно не мог больше оставаться под одной крышей с родственниками, своими собственными отцом и матерью.

Дождь.

Медля у двери, Эмма снова спросила себя, куда все же подевался Эндрю. Опять улизнул в соседний городок? И пьет в «Сарацине»? В любом случае сейчас она одна, и в эту минуту никто не изучает ее под лупой, не разглядывает ее, не пристает с расспросами – не оценивает, не докучает. Она просто стоит у двери, и перед ней дорожка, которая ведет к невозможной красоте, а во время этих корнуолльских каникул Эмме редко выпадала возможность побродить где хочется. Такие прогулки она всегда особенно любила.

С минуту Эмма размышляла – может, сказать, что она уходит, оставить записку, дать знать, где она? Но потом решила: обойдутся. Хотелось в полной мере ощутить себя бег-

ляжкой – только она и никого больше, насладиться восхитительным одиночеством, которое никто не нарушит.

Да и дождь, кажется, постепенно стихал. Теперь слышался только глухой, отдаленный рокот моря, а кроме того, чей-то голос где-то за спиной, в глубине дома. Неужели ее кто-то ищет?

Нельзя допустить, чтобы ее нашли. Она не вынесет еще одной партии в карты, еще одной чашки чая или еще одного раунда бессмысленной болтовни, не вынесет, когда невозможная красота – рукой подать. Как они могут жить так? Сидеть в четырех стенах, когда их окружает такое великолепие?

Хватит.

Эмма решительно влезла в пальто, зашнуровала ботинки и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

Повернув налево и пройдя мимо конюшни, где пофыркивали лошади с лоснящимися шкурами, Эмма зашагала по тропинке, спускавшейся к океану. Знакомая дорога. За недельный перерыв между промозглыми муссонами Эмма успела полюбить это прекрасное и печальное место с его бухточками и заливами: Пенберт, Ле Скейт, Портгварнон¹, Зон Дорлам. Здесь дикие пустоши граничат с неприрученными лесами, те, хромя, выходят к опасным скалам, ко всему, что исторгает океан, а в небе, патрулируя принадлежащие только

¹ Пенберт – прибрежная деревня на полуострове Пenuит, в Корнуолле. Ле Скейт – бухта, расположенная между деревнями Пенберт и Ламорна. Портгварнон – маленькая бухта между бухтами Пенберт и Ламорна.

им нагромождения гранита, кружат морские птицы.

Через полчаса Эмма вышла к развилке. Она сразу решила, по какой дорожке идти.

По ее любимой.

Зон Дорлам. «Бухта с водопадом»! Все говорили ей, что здесь опасно, скользко, что это место пользуется дурной славой – красивое, но с угрожающе острыми камнями, и со всех сторон его окружают трухлявые деревья и осыпающиеся скалы, покрытые гнилой слизью. Эмма не обращала внимания на эти предостережения, потому что лесная тропинка, что вилась между кустами утесника, ежевики и гребенщика, выводила ее к просоленному морскому простору. Вбирая в себя окружающее великолепие, Эмма не раз уверенно шла вперед, перепрыгивала через остатки ступенек, пробиралась сквозь колючки, по крутому склону спускалась на безлюдный в конце ноября берег.

Но сегодня?

Сегодня впервые за эту дождливую неделю Эмма оказалась у Зон Дорлама не одна.

От удивления она приоткрыла рот. Там кто-то... спал. Как будто ребенок. У самого водопада. Причем ребенок одетый. Он пришел не понырять в море. Он просто лежал там.

На холоде. В сырости.

Эмма замерла, не зная, как быть, ее сковал страх. Почему маленький ребенок поздней осенью лежит на берегу? В таком опасном месте? Сразу стало ясно: что-то не так. Может

быть, ребенок не спит, а все куда хуже?

Выбора нет. Надо проверить. Обогнув валуны, Эмма нашла место, откуда было лучше видно. Это был не ребенок.

На холодных камнях, в чаше водопада, там, где каскад воды переходил в поток, лежала молодая женщина. Ее лицо скрывал капюшон. И слава богу. Потому что Эмма уже поняла – перед ней тело, мертвец, труп. Ни один живой человек, у которого бьется сердце, не станет лежать под водопадом – неподвижно, под струями ледяной воды.

Эмма осторожно приблизилась и заглянула под капюшон. Это был не просто труп. Лицо женщины ужасало – разлагающаяся плоть, кости. Рядом с трупом лежал ботинок, единственный, сиротливый детский ботиночек, кожа покоробилась, съежилась – совсем как лицо женщины.

Здесь произошло нечто куда более страшное, чем несчастный случай, а может, даже более страшное, чем убийство. Нечто совершенно невыносимое.

Дождь с шорохом сыпался на море и скалы, на папоротники и липкую грязь. Эмма закричала.

Наши дни

Я сижу в великолепной гостиной и смотрю на мою самую молодую и самую богатую клиентку. Ромилли Келхелланд, утонченно-изысканная в черных джинсах и пепельно-сером кашемировом свитере, прервала свой монолог, чтобы не торопясь сделать глоток какого-то прозрачного зеленого напитка, его только что доставила на серебряном подносе горничная. Мне таких напитков никогда не предлагали, отчего я начинаю подозревать, что это алкоголь. Когда во время сессии наступает естественная пауза – как, например, сейчас, – Ромилли иногда выпивает стаканчик чего-нибудь покрепче. Или же стаканчик-другой появляется в конце сессии, пока я собираю вещи и думаю, как буду возвращаться домой, на пароме до Фалмута².

Пока Ромилли пьет, я люблюсь знаменитым видом из окна ее дома, роскошного Тамарис-хауса. Наверняка именно из-за него богатый капитан-англичанин и его жена-португалка в 1820-х годах построили здесь этот величественный особняк в стиле Регентства.

² Город на южном побережье графства Корнуолл.

Из эркера Тамарис-хауса виден весь Сент-Мавес³, очаровательная маленькая гавань, Плейс-Мэнор⁴, окруженный зеленым лесом, Джизус-бич, а по ту сторону – Сент-Энтони Хед⁵. Даже в серый ноябрьский день вроде сегодняшнего гавань выглядит жизнерадостно. Здесь всегда толкуются лодки.

Я оглядываюсь – проверить, что и как. Ромилли погружена в свои мысли, и я, пользуясь минутой, снова рассматриваю раскинувшийся передо мной город.

Где-то там внизу, в Сент-Мавесе, неустрашимые туристы, задержавшиеся до конца сезона, пройдут мимо отеля «Тресантон», мимо паба «Виктори», спустятся к пижонскому отелю «Айдл Рокс» и магазину, где продают свежую рыбу; магазин соседствует с кафе-мороженым, которое сейчас закрыто. Болтая и смеясь, они пройдут мимо почты и парома на Фалмут, куда паромщик Джаго Мойл запускает пассажиров.

И я спрашиваю себя, заметит ли хоть кто-нибудь еще один чистенький, очаровательный розовый дом с викторианской террасой, где когда-то счастливо жили молодая специалистка по судебной психологии, ее муж-юрист и их худенькая дочка Минни.

Сомневаюсь. С чего бы им его замечать?

– Каренза, с вами все в порядке?

³ Городок на берегу полуострова Роузленд. Святой Мавес – корнуольский отшельник, живший в VI в.

⁴ Историческое поместье на полуострове Роузленд.

⁵ Высокий мыс при входе в бухту Кэррик Роудс.

Реальность возвращается, я оживаю.

– Да, прошу прощения, просто, знаете, воспоминания...

Я приказываю себе собраться. *Работай*. Ромилли Келхелланд – частная клиентка, она оплачивает мое время своими деньгами – или деньгами своей семьи. Я больше не сижу в ярко освещенной больничной допросной с белыми стенами, где мебель привинчена к полу и где я беседую с очередным детоубийцей о его фиксации на мягких игрушках. *С тем* миром покончено, сбылась моя мечта. Моя новая работа совсем другая, и мне хочется верить, что я понемногу строю новую карьеру, просто сейчас клиентов еще маловато. Но эта работа тоже требует сосредоточенности, хоть и на других вещах.

– Что вы *сейчас* пьете, Ромилли?

– «Сбирулино». У меня зависимость.

– Это же алкоголь, да?

Ромилли хихикает.

– Ну ладно, профессор Мориарти. Тут вы меня поймали. С поличным.

– А не рановато?

– Рановато? Ах, Каренза, я просто не могу удержаться, эти коктейли *восхитительны*. Мы с Тэш открыли их прошлым летом во Флоренции.

– Что это вообще такое?

– Их смешивают в «Ривуар», да? В знаменитом кафе на пьяцца делла Синьория? По-моему, там джин, финокъетто, шампанское и сироп из спирулины. Вы давно там были? Во

Флоренции? В «Ривуар»? Обязательно попробуйте!

Я смеюсь. Мне бы лучше полпинты «Дум Бар» в «Виктори», в компании паромщика Джаго.

– Я в такие места не хожу. Но по описанию – приятное заведение.

Ромилли, привыкшая очаровывать, улыбается ангельской улыбкой. Точеные скулы, светлые волосы, прозрачные зелено-голубые глаза, соблазнительная улыбка молодой женщины, у которой в жизни все хорошо. Ей двадцать три, она богата и прекрасно образованна. Улыбка жестоко обманчива.

Доведись вам увидеть Ромилли в модном баре в Брикстоне или Бруклине – обычно она проводит время именно там, если только не прячется в своем корнуолльском доме, – вы бы ни за что не догадались, что под этими дорогими джинсами скрываются зарубки шрамов. Розовые деления на счетчике самоистязаний.

Вы не сразу догадались бы и о том, что под серым кашемиром скрываются темные синяки. Отметины, оставленные наркотиками, отметины, оставленные травмой, издевательствами, опасностями. Как много всего скрыто. Взглянув на великолепные особняки и яхты, услышав про аристократические фамилии с титулованными кузинами по всему Корнуоллу, кто догадается, что эти родословные, эти почтенные династии таят в себе столько тоски, даже несчастий?

Я это знаю, знает и Ромилли. Мы с ней здесь для того, чтобы что-нибудь с этим сделать, как-нибудь исправить.

И я, подавшись вперед, предлагаю поговорить – поговорить, например, о маме. Ромилли Келхелланд, вздыхая, соглашается, и вторую половину нашего с ней часа мы проводим, обсуждая ее эгоистичную, помешанную на пластической хирургии и кокаине мать – женщину, которая, по моему глубокому убеждению, и есть главная причина того, что Ромилли Келхелланд иногда стягивает джинсы и проводит острым ножом по обнаженному бедру. И испытывает восторг, глядя, как сочится кровь, чувствуя, как нарастает боль.

Милая мама.

Мы обсуждаем мать Ромилли полчаса, и по прошествии этого получаса Ромилли выглядит опустошенной, но, возможно, очистившейся, пусть и немного. Во всяком случае, я на это надеюсь. Если я не в состоянии помочь, то в моей новой работе нет смысла, ведь я хочу в первую очередь быть полезной.

Сессия близится к концу. В ознаменование этого Ромилли иногда просит – и получает – еще одну порцию «Сбирулино». На этот раз предлагает стаканчик и мне. Я вежливо отказываюсь.

Пока Ромилли потягивает свой роскошный напиток, я сижу как бедная родственница и пытаюсь припомнить, была ли я вообще во Флоренции. Все, что я помню про Италию, – это один сумасшедший тур по стране. Мы с Кайлом (мне двадцать два, я бакалавр психологии, Бристольский университет) тогда попытались втиснуть как можно больше всего в

десять безумных дней; в эти же десять дней вписался и великолепный секс в дешевых итальянских гостиницах, где банные полотенца были как хлопчатобумажные салфетки. Ездили мы тогда во Флоренцию? Может, и ездили, всего на одну ночь, за которой последовал день в столпотворении картинной галереи...

Или это была Венеция?

Те каникулы – слишком много впечатлений за слишком короткое время. Но тогда это ничего не значило, *тогда* мы почти всегда были счастливы. Наши отношения походили на абсурдно затянувшийся медовый месяц – с нашей первой встречи (подумать только, в университетском альпинистском клубе) до первого секса, а он состоялся три дня спустя, и отношения эти протекали гладко, естественно, казались такими правильными. Путь этот был весел, я стажировалась в Модсли⁶, Кайл заканчивал свои юридические штудии, и оба мы всю пользовались временем своего студенчества, позволяя себе иногда сорваться на какую-нибудь великолепную неделю, часто – в альпинистский тур. Кручи Пиренеев, Старик из Сторра⁷...

Звонят колокола городской церкви. Оплаченный час почти прошел. Я поднимаю глаза и вежливо покашливаю – ис-

⁶ Психиатрическая лечебница в Лондоне, а также крупнейшее в Великобритании учебное заведение, где готовят психологов и психиатров.

⁷ Гора на острове Скай (север Шотландии). Представляет собой базальтовый столб.

тинный профессионал.

– Ромилли? Наверное, закончим на этом? Или задержимся, если хотите?

Но внимание Ромилли поглощено телефоном, она улыбается какому-то сообщению или картинке, иногда с ней такое случается, и я научилась мириться с этими последними минутами сессии, когда нужно дать ей завершиться естественным образом, и погружаюсь в воспоминания. Спрашиваю себя: может, что-то пошло не так *еще раньше*? Может, мы допустили оплошность, проглядели предостережение?

Вряд ли. Годы учебы закончились, начались первые годы профессиональной жизни и первые годы брака. Я, полная амбиций, с головой ушла в докторскую диссертацию, работала в Де Креспеньи. Кайл избрал для себя карьеру обвинителя. А потом появилась Минни – и настоятельная потребность свить гнездо. Мы вернулись домой, в Корнуолл.

Снова вежливое покашливание. На этот раз – Ромилли. Она смотрит на меня с улыбкой сочувственной, но ленивой.

– Каренза, нам необязательно всегда встречаться здесь, в Тамарис, если... м-м... если Сент-Мавес иногда... как бы сказать... вызывает у вас слишком сильные чувства.

Я сдержанно киваю. Моя клиентка, со свойственной ей апатичной вежливостью, явственно дает понять: *если вам тяжело возвращаться в этот город со всеми его ассоциациями, мы можем встречаться где-нибудь еще.*

Собравшись с духом, я качаю головой:

– Все нормально.

Потому что предложение сделано из лучших побуждений, но оно лишнее. Обычно я принимаю частных клиентов у себя дома в Фалмуте, у самой воды, в комнате для гостей, но Ромилли хорошо платит и я хочу угодить ей, к тому же, несмотря на воспоминания, паромная переправа в компании Джаго Мойла проходит весело, да и в целом поездка в Сент-Мавес – приятное развлечение. Я бываю здесь раз в неделю, а значит, могу заглянуть к бабушке в ее полную любви и сплетен муниципальную квартирку над городом. Я могу мириться с *ассоциациями* – или прогнать их.

Если только они не слишком настойчивы. Как сегодня.

– Честное слово, Ромилли, все в порядке...

Мы болтаем еще немного, но уже бесцельно, просто так.

– Ну что же, думаю, на сегодня мы закончили. Мы далеко продвинулись.

В ответ Ромилли улыбается.

Вот бы мне пятнадцать таких состоятельных Ромилли Келхелланд в неделю! Но пока у меня их нет. Я еле держусь на плаву, меня затягивает в водоворот долгов, и все же я отказываюсь признать, что решение насчет частной практики было ошибочным. Отказываюсь признать, потому что альтернатива – вернуться в прежний мир – поистине *ужасна*.

Прежний мир – это тюрьмы, психиатрические отделения, брэнчание ключей; вернуться в прежний мир означает выслушивать самооправдания какого-нибудь человекооб-

разного, который рассказывает мне, как разрезал свою подружку от пупка до шеи, потому что его преследовал российский президент. Мучительно тоскливые сессии, заставлявшие меня думать: почему *ты* остался жить? Почему ты? Не *она*? Почему мир так несправедлив?

– Ну, Ром, увидимся в следующий понедельник, в это же время?

Ромилли улыбается и кивает.

Я снимаю с вешалки свой выдавший виды плащ, прощаюсь, мы коротко, по-сестрински, обнимаемся, я иду по прекрасному Тамарис-хаусу мимо мрамора и красного дерева, мимо удачно подобранных современных картин – *у мамы хороший вкус* – и оказываюсь в саду, который спускается по длинному склону. Вдыхаю свежий, с острым морским запахом, корнуолльский воздух.

Тридцать пять минут третьего. У меня еще добрый час, прежде чем Джаго направит паром назад, в Фалмут. Последний рейс стремительно укорачивающегося ноябрьского дня.

Так что время у меня есть. А в сумке лежит небольшой подарок для Бетти Спарго.

2

После недолгого подъема по другому склону – Сент-Мавес окружен крутыми зелеными холмами – я подхожу к муниципальному обиталищу своей бабки в единственном в городе муниципальном квартале единственного, наверное, муниципального района во всем Сент-Мавесе. Вся прочая городская недвижимость облагорожена, отреставрирована и перепродана в сто раз – или на несколько миллионов – дороже. Большую часть муниципальных квартир выкупили их обитатели – и, конечно, перепродали.

Теперь моя бабушка со стороны матери, Элизабет Мэй Спарго, живет в блестящей изоляции⁸. Мне нравится воображать, что она, быть может, последняя корнуоллка Сент-Мавеса, не считая временных постояльцев вроде меня, которые то есть, то нет. Потому что ни один истинный корнуоллец не *живет* больше в чудесном корнуолльском городке Сент-Мавес, у самого моря. Ни один корнуоллец не *живет* больше на более просторном и таком чудесном корнуолльском полуострове Роузленд. Больше не живет.

В наши дни быть корнуолльцем в лучших местах Корнуолла слишком дорого. В наши дни очаровательный Сент-Ма-

⁸ «Блестящая изоляция» – термин для обозначения внешней политики Великобритании во второй половине XIX в., главным образом – отказ от длительных международных союзов.

вес и Роузленд, на котором он расположен, населены приезжими.

Взбираясь по серым ступенькам серого бабулиного дома, я в сто девяносто восьмой раз в жизни задаюсь вопросом, почему власти Корнуолла решили сделать все муниципальные дома по возможности серыми. Может, в качестве наказания, чтобы устыдить их обитателей? Если да, то с моей бабушкой это не пройдет. У бабули Спарго нет стыда, да и стыдиться ей нечего: она отдала свой фамильный дом в Сент-Мавесе нам – мне, Кайлу и нашей девочке. А сама, сменив несколько частных квартир, водворилась здесь. Взобралась еще выше по холму.

Бабушка встречает меня у двери со своим обычным энтузиазмом. Она уже раскрыла объятия:

– Каренз-з-за! Дорогая! Так-так!

Бабуля, как всегда, делает вид, что мое появление для нее чудесный сюрприз, хотя мы к этому времени успели трижды созвониться и я каждый раз говорила, что приеду. У любого пожилого человека я заподозрила бы деменцию, но насчет Бетти я точно знаю, что деменции там и близко нет. А еще я знаю, что Бетти – самый маленький человек из всех, кто мне встречался в жизни, примерно четыре фута десять дюймов. Крашенные рыжие волосы, блестящие карие глаза. Бетти любит над собой посмеяться, когда-то давно она говорила, ероша мне волосы: «В детстве я могла пробежать под лаской!»

Я живо помню, как Бетти рассказывала мне об этом. Я, шестилетняя – мама была еще жива, – как-то спросила, правда ли это, ведь бабушка Спарго и правда маленькая. Я спросила маму: «А правда, что Бетти Спарго могла пробежать под лаской?» – и мама рассмеялась и ответила: «Нет, конечно, бабушка тебя разыгрывает, не верь ни одному ее слову».

Так я впервые столкнулась с выдумками – выдумками в *хорошем* смысле слова. Сложная вещь. Может быть, тогда-то у меня и пробудился интерес к человеческой психологии. Включая мою собственную персону, куда более застенчивую и неловкую, чем Бетти Спарго.

– Заходи, Каренза, заходи!

– Да я и так уже зашла.

– Вот, значит, и ты. Как я рада! Садись. Ка-а-ак я рада тебя видеть! Прекрасно выглядишь.

Я радостно хмыкаю.

– Мне надо похудеть, Бетти, я похожа на большой яблочный пирог.

– Чепуха. – Бетти, посмеиваясь, решительно направляется на кухню, до которой всего три ярда. – Мужчинам нравится, когда есть за что подержаться. Кстати, как там Джаго?

– Да ну тебя, Бетти.

Она хихикает. Я хихикаю.

Бетти Спарго вечно пытается выдать меня замуж – лучше всего, за Джаго-морехода. Она считает, что корнуоллка вроде меня должна выйти замуж за корнуолльца вроде него.

Кайл для нее был недостаточно корнуолльским, скорее девонширским или эссекс-бристольским. Нам такие не подходят.

Пока Бетти возится на кухне, я разглядываю ее квартиру: ракушки, всякие симпатичные пуствячки, книги Бронте, а также пейзажи с изображением гавани Сент-Мавеса авторства самой Бетти, очень неплохие работы для любительницы.

На каминной полке в первом ряду ее любимые фотографии – мы с братом, Лоиком-бродягой. Где он сейчас? В Алжире, в Амстердаме? В Антарктике? За Лоиком следуют правнуки. Тут же красивый портрет мамы, дочери Бетти, фото сделано незадолго до маминой смерти (она умерла от рака). Потом парный портрет: Бетти, гордо улыбаясь, стоит рядом с мужем, ныне покойным; после войны он служил в авиации.

Красотка. И мама тоже была красоткой.

А я никогда не могла похвастаться такой привлекательностью. Я смотрю на стоящую на каминной полке нашу с Кайлом фотографию – ее сделали, когда мы с новорожденной Минни только-только переехали сюда. В хорошие дни я выгляжу неплохо: круглолицая, довольно милая; еще мне говорят, что у меня красивая улыбка. Средний рост, средняя фигура, все среднее. Темно-русые волосы неопределенного оттенка, совсем непохожие на мамины темные блестящие волосы, такие же были у бабушки, пока не поседела. Теперь

Бетти красит волосы, и огненно-красная, буквально пылающая прическа делает ее похожей на сгусток энергии ростом в четыре фута десять дюймов.

Фотографии моего единственного ребенка на полке нет. Наверное, бабушка держит эти снимки у себя в спальне, чтобы не расстраивать меня, когда я прихожу к ней. А может быть, ей самой невыносимо смотреть на них.

– Ну, что тебе подать? Выбирай!

Бабушка уже принесла чайный поднос, вариантов всего два. Коричневый керамический чайничек с чаем – или бутылка дешевого бренди из «Лидла».

– Бетти, я всегда пью чай.

Бетти, посмеиваясь, наливает нам по кружке чая и себе – стаканчик бренди. «Чтобы не простыть в сырую погоду, милая». Иногда мне кажется, что я единственный на весь Корнуолл человек старше двадцати одного, который не пребывает под мухой с ноября по март.

– Ну, рассказывай. – Бетти устраивается в другом кресле. – Как там Эль Хмуррито?

– Прекрасно. Все еще держит меня на расстоянии вытянутой лапы.

– И все еще боится маленьких собак?

– Угу.

Эль Хмуррито – это мой кот. Бетти подарила его мне три года назад, *сразу после*, он тогда был совсем еще котенком. Для меня он стал возможностью отвлечься – котенок-спаси-

тель с какой-то невнятной травмой. Отсюда и проблемный характер. Из-за его отстраненности и хмурого вида в сочетании с внешностью – по мнению Бетти, он похож на испанца – я и нарекла его таким странным именем, Эль Хмуррито.

«Испанец» в устах Бетти звучит двусмысленно. С одной стороны, она считает испанских матадоров эффектными, ей нравятся отважные маскулинные мужчины: рабочие с оловянных рудников, мародеры-грабители потерпевших крушение судов, пираты, Мореход Джаго; с другой стороны, она считает, что «испанцы расхищают рыбные богатства Корнуолла», она всегда использует именно этот восхитительный в своей точности термин – *расхищают*. Не «излишний лов» и не «воровство». Она любит поговорить, Бетти. И мама любила. Я куда молчаливее и задумчивее. Я больше люблю наблюдать, чем участвовать.

Меня пронзает печаль. Как же не хватает моей несгибаемой мамы-болтушки. Как же мне ее не хватает. И как я ненавижу рак.

– Ты думаешь о Дженет, да, моя девочка?

– Откуда ты знаешь?

– Оттуда.

– В смысле?

– Все ты понимаешь! – Бетти широко улыбается, ловко сворачивая с грустной темы.

– Бетти, – с деланой серьезностью говорю я, мне ясно, к чему она клонит, – у тебя нет дара, у тебя нет шестого чув-

ства – ни у кого его нет. Чепуха это все.

Бетти беззлобно смеется. Этот диалог происходит, наверное, в миллионный раз – к нашему обоюдному удовольствию.

– Хочешь сказать, что это неправда? А, Каренза? Спарго владеют этим даром многие сотни лет. Женщины из рода Спарго. У твоей матери он тоже был, да и ты Спарго в той же мере, что и Брей, он и у тебя есть. Вот почему тебе так хорошо дается твое ремесло: ты можешь заглянуть на другую сторону, ты видишь людей насквозь, видишь рядом с ними их призрачные сущности.

– Нет, бабуля, я могу определить расщепление эго, сумеречное расстройство и, если повезет, распознать психопатию на ранних стадиях. Это называется судебная психология.

– Пф-ф. – Бабушка одним махом опустошает свой стаканчик. – Это дар Спарго, благодари своих кельтских предков. Мы привезли его из Гренландии, еще когда по Лобич бродили динозавры.

Бетти Спарго знает, что все это абсолютная чепуха, я знаю, что она это знает, и мы хохочем, после чего бабушка делает виноватое лицо – значит, собралась покурить. Бетти Спарго официально бросила курить десять лет назад, но в ее представлении «бросить курить» означает «курить в окно».

Бабушка курит в окно, подбородок опущен на изящную ладонь – странно-обольстительная, настоящая соблазнительница, – и расспрашивает меня о клиентах. Бабуля

Спарго любит сплетни даже больше, чем большинство любопытных, бойких на язык пожилых дам, и уж любимой бабушке-то я не могу отказать. Никому больше я не выкладываю подробностей о клиентах. Это непрофессионально. Только ей, да и кому это навредит?

Пока бабушка с удовольствием пыхтит сигаретой, я рассказываю ей про Келхелландов. Про Ромилли, ее мать, про всю эту безумную семью, болезненную, тоскливую, но карикатурно богатую. Дослушав, бабушка оборачивается ко мне и словно между прочим говорит:

– Ты в курсе, что бабушка Ромилли была бисексуалкой?

– *Что?*

Бетти прожила в Сент-Мавесе всю свою жизнь, она знает практически всех и практически всё, все истории, все сплетни. Оставшиеся пробелы она заполняет при помощи почтальона, или Джаго, или мясников в лавках, что недалеко от набережной. Так что я не сомневаюсь в точности таких сведений и все же удивлена, но подобная информация на вес золота.

– Правда? Ты уверена? Матриарх? Маргарет Келхелланд? Я думала, она сама благопристойность, а тут... *бисексуалка?*

Бетти кивает и, затушив сигарету, возвращается в кресло.

– Да. Об этом поговаривали в «Виктори». У нее был роман с няней, они снимали на час комнаты в этом кабаке в Руан Ланихорн⁹. Неудивительно, что они все странноватые,

⁹ Городок в шести милях от Труро, столицы Корнуолла.

такое же всегда вылезает наружу. Да я и сама подумывала попробовать лесбийский опыт, но мне духу не хватило.

Бетти смешит меня. Она всегда меня смешит. Иногда я провожу у нее не один час, и все это время мы с Бетти смеемся, но сейчас время вышло, скоро последний паром. Я встаю, Бетти кивает, и уже в дверях я вспоминаю:

– Подожди-ка, совсем забыла. Принесла же к чаю!

Достаю кекс в фольге, который испекла вчера для Бетти. Настоящий бисквит. Бетти обожает кексы, она когда-то сама пекла, но узловатыми артритными руками много не напечешь. Поэтому за выпечку теперь отвечаю я. Бетти, наверное, ждала этого кекса, ведь обычно я приношу ей что-нибудь, и когда она берет сверток, глаза у нее блестят от слез.

– Что ты, милая, зачем! Ну правда, ты так занята, интеллектуалка...

– Ах, если бы! У меня слишком много свободного времени, и я всегда рада испечь для тебя что-нибудь... К тому же ты только что выложила мне *такие сплетни* про Маргарет Келхелланд!

Бетти уже улыбается, относит кекс на кухню и крепко, словно в последний раз, обнимает меня. Я выхожу за дверь, машу ей на прощанье. Вот-вот опоздаю на паром. Джаго, конечно, будет ждать, но не вечно же. В ноябре темнеет быстро.

Взглянув на часы, я пускаюсь бежать. Уже смеркается, небо над Кэррик-Роудс¹⁰ темное. Торопливо спускаясь к мо-

¹⁰ Устье реки Фал, выходит в Ла-Манш возле города Фалмут.

рю, я размышляю над словами бабушки Спарго о даре Спарго. Бабушка Спарго проницательна не хуже моей мамы, она умна и видит то, что остается скрытым от других, но все дело лишь в женской наблюдательности и умении слушать – действительно дар, однако никак не связанный с эволюцией и прочим.

Честно говоря, разговоры о «даре» меня слегка злят, хотя я никогда не показываю Бетти своего раздражения. Идея о «даре» отправляется к прочей сомнительной чепухе на тему «Кельтский Корнуолл»: одержимость каменными кругами, колодцы плодородия, а также Мен-ан-Тол¹¹, а еще девицы в дредлоках с ярмарки в Труро, из Сент-Агнес, с их кружевными викканскими¹² зодиаками и картами таро – все это просто смешно.

Это просто другая форма религии – только, может быть, более безвкусная. Пошлый способ отрицать смерть. А смерть, как мне довелось узнать, отрицать невозможно. Смерть невыносима, но вынести ее придется.

¹¹ Мен-ан-Тол – мегалитический комплекс в Корнуолле. Состоит из трех вертикально стоящих гранитных глыб, средняя имеет круглую форму с отверстием. Поздний неолит или ранний бронзовый век.

¹² Викка – неоязыческая религия.

3

Я успеваю. Джаго и его паром еще тут. Жизнерадостный Джаго Мойл, мореход. Его маленький паром подпрыгивает у причала, словно самим волнам не терпится пуститься в путь.

– Эй, на берегу! – говорит Джаго, изображая Пирата – как всегда, когда ему хочется подразнить меня.

Я улыбаюсь ему, однако стараюсь, чтобы улыбка вышла не слишком широкой. Бетти Спарго кое-что учуяла, и она не так уж ошибается. У Джаго темные-темные волосы, белые-белые зубы и красивое лицо урожденного корнуолльца. Я не так уж невосприимчива к его шарму.

– Вы чуть не опоздали, так нельзя.

Он подает мне руку, помогает подняться на борт. Мне нравится, как он это делает, нравится, что ладонь у него крепкая и шершавая, что улыбка широченная, а ко всему еще и прилагается почти непристойная история о хулиганской семейке, которая промышляет ловлей угрей и сибаса в Ковереке¹³ последние семьдесят миллиардов лет. Джаго Мойл настоящий корнуоллец. В тридцать пять все еще холост. У него слабость к молодым туристкам, которые собираются летом на пляже в Портскато¹⁴, и ко мне тоже слабость. Иногда

¹³ Прибрежная деревня и рыболовецкий порт.

¹⁴ Прибрежная деревня на полуострове Роузленд.

я всерьез спрашиваю себя...

Но я прогоняю эту мысль. Мне тридцать восемь, я разведена, детей нет – сейчас нет, – у меня пара питомцев, любимая, хоть и не особо прибыльная работа, и все. Мне не нужен мужчина, даже если я хочу мужчину. Так ведь?

– Как там девица Келхелланд? Очередную яхту покупает?

– Вот бы вам за ней приударить. Вдруг она склонна к неподходящим мужчинам средних лет.

Джаго улыбается. Я смеюсь. И думаю: как легко мы каждый день соскальзываем в это удобное взаимное подтрунивание. Мойлы и Бреи, как и Спарго, знают друг друга уже многие поколения. Корнуолльцы, работавшие на оловянных рудниках, связаны друг с другом так же, как – на свой манер – связаны друг с другом корнуолльцы, *владевшие* оловянными рудниками.

Джаго уходит в рубку, и мы отползаем от Сент-Мавеса. Я, как всегда, сажусь на носу и сую в уши наушники. Достāju телефон, чтобы выбрать музыку. Колеблюсь между двумя вариантами. Один – минималистичный и элегантно простой, с повторяющейся структурой, под такое хорошо думается. *Rose Engine* «Спиро»¹⁵ или отрывок из Филипа Гласса¹⁶.

Другой вариант – навороченный языческий нео-фолк, к

¹⁵ Британская группа, стиль – сочетание английского фолка, современной камерной музыки и минимализма.

¹⁶ Филип Моррис Гласс (р. 1937) – американский композитор-минималист.

нему-то я и склоняюсь. «Хейлунг»¹⁷ – *Kriks-galdr*. Слушая двенадцатиминутную композицию, составленную из завораживающих, повторяющихся распевов и размашистого языческого йодля, я погружаюсь в состояние, как нельзя лучше подходящее для того, чтобы прикинуть, как работать с клиентами завтра, а еще ее как раз хватает на дорогу до суетливого Фалмута, который по сравнению с Сент-Мавесом кажется Лондоном.

– До встречи, Джаго.

– В следующий раз нужно выпить по пинте в «Виктори»! Нет, по две пинты!

Я улыбаюсь, машу на прощанье и направляюсь по центральной улице Фалмута – мимо стремных пабов, обглоданных ветром магазинов и относительно процветающих ресторанов, мимо новенького Морского музея на набережной, и вот наконец дверь моей спартанской, современной, с отделкой из дерева и стекла квартиры, где имеется та самая комната, в которой я принимаю клиентов, и великолепное видовое окно, выходящее на фалмутскую бухту.

Дом.

Я отпираю дверь и вхожу, испытывая чувство благодарности, потому что нежно люблю свой прохладный, пустой, приносящий успокоение дом. Я подарила себе это место после

¹⁷ *Heilung*, неофолк-группа, которая использует в своих композициях древнескандинавские тексты археологических артефактов (рунические камни, мечи и т. д.).

того, как мы с Кайлом в конце концов прекратили взаимный обмен ужасными обвинениями и пришли к мысли, что нам, как и многим другим семейным парам, потерявшим ребенка, следует развестись. Я вернула себе девичью фамилию – снова стала Брей, – и мы продали наш идеальный, отмеченный печатью трагедии, красивый домик в Сент-Мавесе богатым лондонцам. Продали дорого.

Мне хотелось остаться на прежнем месте – рядом с друзьями, отцом, бабушкой Спарго, работой, воспоминаниями, жизнью – и в то же время хотелось чего-то радикально другого. Поэтому я пустила все свои деньги на самый большой взнос, какой возможен в наших краях, а значит, ипотека у меня маленькая, и, думаю, это лучшее в моей жизни решение, потому что будь у меня сейчас ипотека выше, с частной практикой пришлось бы покончить.

Мне нужны еще клиенты.

Я захожу в гостиную, бросаю ключи на стеклянный столик. Смотрю через огромные окна в осенние сумерки. Вид не столь эффектен, как вид на Сент-Мавес из Тамарис-хауса, но его суровость неизменно приводит меня в восторг: толчея в гавани, прогулочные катера, гудя, покидают Майлор¹⁸, ошестинившиеся военные корабли направляются в океан. Второй по величине порт в мире. Или третий?

Обернувшись на мяуканье, я улыбкой приветствую Эль Хмуррито. Особо приветливым он не выглядит, но это для

¹⁸ Административный приход к северу от Фалмута.

него обычно. Зато он выглядит определенно голодным. Другое его состояние – зашкаливающий восторг. И тогда он мурлычет, как шумный и, возможно, неисправный мотор. Словом, Эль Хмуррито довольно эксцентричный кот. Иногда мне кажется, что он – первый случай маниакально-депрессивного расстройства у кошек.

Я подхватываю Эль Хмуррито, обнимаю и с жаром целую, он заходится в громком ошалело-радостном мурлыканье. Иду на кухню и выдавливаю ему корм из пакетика.

– На, Хмур. И постарайся не мурлыкать, когда ешь, а то подавишься.

Теперь пора проведать второго моего питомца, Отто. Отто – хамелеон. Иногда я спрашиваю себя, почему я завела хамелеона. Из всех сил пыталась быть эксцентричной, горюющей одиночкой со странными музыкальными вкусами? «Она даже держит *хамелеона!*» Да неважно. Отто забавный. Он меняет цвет. Время от времени.

– Ты что, опять серый? Отто, ты же хамелеон. Ты должен менять цвет.

Отто вращает одним глазом и разглядывает меня – пронизательно, но не без приязни. Может быть, серый цвет означает «Ну ладно, жизнь как жизнь. Справляюсь помаленьку. А еще я слышу, как громко урчит Хмуррито, он что-то жрет».

Кажется, все хорошо, я справилась со своими скромными домашними обязанностями. Завариваю себе в кружке чай, наслаждаясь осознанием, что у меня есть собственный дом и

я в нем *одна*. На площади внизу – устричный бар, чайки таскают у туристов чипсы. *Это мой дом*. Мой замок, мое логово, моя крепость, защита от жестокого страшного мира, место, где меня ничто не ранит, ничто больше не ранит, если только я не полюблю *слишком* сильно, так, чтобы он или она, умерев, разбили мне сердце.

За исключением Бетти Спарго. И, может быть, Джаго. И моего брата. И пары друзей. Иногда – отца. Вот они – исключение. Но что я могу поделать? Неуязвимых крепостей не бывает, всегда найдется какой-нибудь забытый потайной ход под восточной башней.

Вторжение: звонит мобильный телефон, и стеклянный столик чуть слышно гудит от вибрации.

На экране высвечивается: «Кайл».

Я колеблюсь. Нужен ли мне этот разговор? У меня хорошие отношения с бывшим мужем, но они не отменяют воспоминаний. Я намерена двигаться вперед, а он по-прежнему юрист в Труро¹⁹, каждый день общается с полицейскими, преследует мужей-абыюзеров, выпивает в «Парике и пере», где обсуждает суровые приговоры и трудные случаи. Ничего этого я не хочу. Ничего. Ни коронерских судов. Ни рассмотрений перспектив на условно-досрочное освобождение.

Ни вердиктов о смерти вследствие несчастного случая.

Нет.

Телефон продолжает звонить. Настойчиво. Придется

¹⁹ Административный центр Корнуолла, самый южный город Великобритании.

взять трубку.

– Кайл?

Сама слышу напряженные нотки в своем голосе. Не хочется быть невежливой, но именно сейчас мне не нужны телефонные беседы.

Кайл, кажется, угадал мое настроение. Браки, длящиеся свыше десяти лет, способствуют развитию таких умений. Мы проскакиваем светскую часть разговора, и Кайл переходит к делу:

– Каз, ты слышала когда-нибудь такое имя – Натали Тьяк? Ничего не напоминает?

– Нет.

После некоторого молчания Кайл спрашивает:

– Правда?

– Да. *Правда*. А что?

– Натали Тьяк. Молодая женщина, которую год назад нашли мертвой в бухте, на западе Пенуита²⁰. Южное побережье, между Пензансом²¹ и Лендс²²...

– Кайл! Я корнуоллка в тринадцатом поколении. Ты что, забыл? Я знаю побережье как свои пять пальцев. Место красивое, отдаленное... И?..

– И все же ты не слышала об этом случае. Как же так, Каз? Об этом писали в местных газетах, он даже в теленовости

²⁰ Полуостров на западе Корнуолла.

²¹ Портовый город на западе Корнуолла.

²² Лендс-Энд – мыс на западе Корнуолла.

попал, а Корнуолл все же не Нью-Йорк.

Я допиваю чай, наблюдая за громадной серебристой чайной, которая высматривает чипсы. На Фалмут и Роадс ложатся оранжево-оловянные сумерки.

– Да очень просто, Кайл. В прошлом ноябре я читала лекции в Австралии. Два семестра. Так что, наверное, все пропустила. Это как ты едешь в отпуск, и тут умирает какая-нибудь знаменитость, а ты узнаешь об этом шесть лет спустя... Ладно. А какое отношение тот случай имеет ко мне? Мне бы клиентов найти.

– Я поэтому и звоню. Хочешь подработать? Новые клиенты.

Так, выключаем режим отчуждения, я несправедлива к Кайлу, он хочет помочь.

– Хорошо. Извини, пожалуйста, продолжай.

– Это дети, дети Тьяков, – говорит Кайл уже мягче. – Им нужна помощь. А тебе всегда хорошо давалось общение с мелкими. Служба психического здоровья для детей и подростков. Малолетние преступники. С детьми ты работаешь *гениально*.

– Спасибо.

Я отгоняю очевидную мысль, что работу с одним, тем самым, ребенком я провалила.

– Ты же знаешь, что можешь вернуться на старую работу хоть завтра?

– Я не хочу возвращаться. Пожалуйста, не будем об этом

больше!

– Ладно, ладно...

– Так зачем ты позвонил? Если там смертельный случай и преступник, то почему мне не звонит старший инспектор Эллис или еще кто-нибудь?

– Да им влом потому что. Никому не интересно, они сразу забили на этот случай...

Кайл молчит, видимо что-то обдумывая, после паузы продолжает:

– Ладно, вот тебе предыстория. Суть в том, что полицейские ничего не нашли. Насколько мы поняли, мотива для убийства ни у кого не было. Ни у кого не было причин убивать Натали. Это не самоубийство. Но и на несчастный случай не похоже, поскольку Натали Тьяк хорошо знала бухту. Там небезопасно, но она все время там гуляла. Местные красоты, водопад на берегу, всякое такое.

Я задумчиво смотрю в окно. Стекло усеяно первыми брызгами дождя.

– Задача со звездочкой. Но я не следователь, и меня она не касается. Больше не касается.

– Но ты осталась все тем же мозговитым психологом, которого я встретил в Бристоле, верно? С талантом к разгадыванию загадок? Голову даю на отсечение, что тебя все еще притягивают странные, необычные особенности характера, особенно у детей. В Бедламе²³ ты обожала такие случаи. Про-

²³ Бедлам, Бетлемская королевская больница, – одна из старейших психиатри-

сто обожала.

Не отрицаю, такие случаи продолжают притягивать меня. Одно из моих последних увлечений – расторможенное расстройство привязанности: дети, которые не умеют взаимодействовать со взрослыми. Они слишком дружелюбны с чужими, слишком общительны, эта избыточная привязчивость ставит их в уязвимое положение. Я несколько недель слушала аудиокниги на эту тему, накручивая километры по корнуольскому побережью, хотя жутковатого уединенного участка между Лендс-Эндом и Пензансом избегала. Ехать туда скучно – *слишком* далеко.

– Ладно, я в деле. Давай подробности. Молодая женщина упала со скалы. Продолжай.

– Как я и сказал, у нее остались дети. Двое. Я разговаривал с ними во время первичного расследования, в клинической больнице в Трелиске²⁴. У меня чуть сердце не разорвалось. Когда – если – ты этих детей увидишь, то сама все поймешь.

– Расскажи о них.

Кайл, почуяв мой интерес, начинает частить:

– Соломон и Грейс. Все еще живут в этой диковатой сельской усадьбе с отцом, того зовут Малколм. В лесной глуши, у моря. Мальчику исполнилось семь, девочке лет девять-десять. Он разговорчивый, она замкнутая.

– Дальше.

ческих лечебниц в Лондоне.

²⁴ Район на окраине Труро.

– Семья довольно богатая – старые деньги, рудники, голубая кровь. Отцу позарез нужна психологическая помощь, вмешательство третьего лица, и за эту помощь он готов платить.

– И в чем конкретно должно выразиться это вмешательство?

– В том-то и дело, Каз. Дети начали вести себя... *странно*.

– Ничего удивительного, они наверняка не отгоревали. У них мать умерла, а они еще маленькие.

– Верно, но тут... как бы выразиться... дело не в горе. Дети, с их слов, *знают*, что случилось с их мамой.

Я смотрю в кружку. Жалко, что чая осталось на доньшке. А может, сейчас пригодилась бы кружка с чем-нибудь вкусным и слегка туманящим голову – под стать завлекательной головоломке.

– Это всё?

– Не совсем. Но и сказанного, согласишься, достаточно. Там самая настоящая тайна. Откуда несчастные дети знают, что произошло? На скалах никого не было, дети мирно спали. Откуда им знать *хоть что-нибудь*? И все же они, кажется, *кое-что* знают. Все, кто с ними говорил, в этом убеждены.

– Я правильно понимаю, что детей опрашивали?

– Естественно. Но они ничего больше не скажут. Как воды в рот набрали. Вот почему они всех пугают – и в школе, и вообще везде. Они, по их словам, знают, что с мамой произошло нечто плохое, но что именно – не говорят. Странно, да?

Каз, тут нужен хороший психолог. Психолог, который умеет разгадывать загадки и который понимает, как устроены дети. Тут нужна *ты*.

Поболтав еще немного, мы заканчиваем разговор на дружеской ноте. Напоследок Кайл дает мне номер, а я обещаю подумать.

С кружкой свежесваренного чая я медленно брожу по тихой квартире, обдумывая услышанное. Отправляю сообщение своей давней подруге Дайне – веселой и умной любительнице пофлиртовать, с социальной точки зрения она моя полная противоположность. Дайна тут же отвечает: «Да, смутно припоминаю тот случай. Почему бы тебе им не заняться? Может, он тебя увлечет?» И эмодзи – оттопыренный большой палец.

Ответ меня воодушевляет, но Дайна всегда меня воодушевляет, она во всем видит один только позитив, и все же я не спешу с решением. Детское горе – для меня это слишком личное, но загадка захватила меня. К тому же нужны деньги.

Еще один круг по квартире, еще раз спросить себя, какие у меня варианты.

Эль Хмуррито с довольным видом спит у большого окна. Тут ничего нового. А вот Отто внезапно заиграл новыми красками. Нечто зеленоватое. Оттенка коктейля «Сбирулино», который пила Ромилли. Но что еще важнее, этот зеленый похож на зеленый свет светофора. *Движение разрешено.*

4

Серебристая морось сыплется на божий мир. Изнывая от нетерпения, я тащусь за фермерским грузовиком, с которого летят клочья сена. Предполагается, что это главная дорога между Фалмутом и Хелстоном²⁵, и все же ее в любой момент может перекрыть – как, например, сейчас – какой-нибудь необъятный трактор. Или трейлер, который мотает туда-сюда, пока заблудившиеся туристы разглядывают старые шахтерские дома.

От раздражения я напеваю сквозь зубы. В Корнуолле чем дальше на запад, тем больше эта земля похожа на себя, по-корнуольски непокорная. Машины тянутся медленнее, дороги становятся уже, сигнал прерывается чаще – все словно делается бледнее и одновременно милее. И я знаю, что за Пензансом и дальше, на побережье Пенуита, начнутся места еще более глухие.

– Да живее же!

Грузовик приводит меня в бешенство, я уже чуть не ору. Криком, конечно, не поможешь. Внезапно является незваное воспоминание: Минни смеется в машине, показывает на грузовики и коров, поет песенку... Нет.

Нет.

²⁵ Город на северной оконечности полуострова Лизард.

Я не хочу вспоминать об этом, не здесь, не сейчас. Дрожащими руками включаю музыку, выбираю дэт-метал, какой угодно, лишь бы скорее. Скорее, скорее.

Вот. *Havoc Unit*²⁶, «Растворение сознания» – более чем уместное название, это-то мне и надо. Я люблю, я употребляю, я *поглощаю* изрядные дозы дэт-метала. Густой грохот блокирует все мысли, особенно нежеланные. От бешеной какофонии сознание становится девственно чистым. Музыка не подпускает ко мне демонов.

Мне требуется несколько минут. Сердце теперь стучит медленнее, машина едет быстрее, грузовик исчез. Я смотрю на часы. Половина второго. Обед?

Можно использовать время с умом. Мне нужно побольше информации. С какофонией покончено. Прилетает эсэмэска от Дайны: «Не забудь, завтра в семь пьем в „Моёвке“!»

Я прошу гугл-ассистента набрать номер Кайла. Бывший муж отвечает почти сразу, его голос наполняет мою ржавую «хёндэ». На заднем плане слышен шум – похоже, Кайл в пабе.

– Пинта, сэндвич со стейком, «Парик и Перо». Угадала? Кайл смеется.

– Нет, Каз, сегодня я гуляю. Салат по-гречески и бокал совињон блан. «У Рокко». А ты? Направляешься в крепость Тьяков?

– Да.

²⁶ Финская метал-группа.

– Значит, все в порядке?

– Да. Позвонила вчера отцу, Малколму. Он немного подозрительный, но я уже еду. Еще раз спасибо, что свел меня с ними.

– Все нормально. Я знаю, тебе нужны деньжата.

– Это верно, – говорю я. – Но у меня остались кое-какие вопросы.

– Давай.

Я замолкаю. Потому что не хочу задавать этот вопрос, он кажется мне неправильным. Но и не задать невозможно.

– Кайл, скажи честно, насколько под подозрением Малколм Тьяк. Муж, который старше жены. Красивой молодой жены, погибшей при подозрительных обстоятельствах. Он должен быть подозреваемым номер один.

Судя по звуку, мой бывший жует оливку – обдумывает ответ. Наконец он говорит:

– Ну да, конечно, номер один. Но у полиции ничего нет. *Полный ноль.* Ни подозреваемых, ни мотива, ни предсмертной записки. Все, что у нас – а теперь у тебя – есть, – это чокнутые детки. Сосредоточься на них, и все, это же твоя работа. Как будешь действовать? Малколм Тьяк не пригласил тебя пожить у них?

– Нет. Я бы от него такого и не ожидала. Ехать далеко, но за день обернусь, туда и обратно. В крайнем случае переночую в Маусхале, в «Овце».

Кайл бормочет что-то о том времени, когда мы там оста-

навливались, и что он как-нибудь свозит туда своего второго ребенка, недавно родившегося. Я стараюсь сосредоточиться на дороге. Скучная окраина Хелстона: «Теско», автомойка. И вот я оказываюсь в той части старого Хелстона, что тянется вдоль реки. Приметы старинного промышленного города, которые никто толком не ценит.

– Ладно, Кайл, я лучше не буду задерживаться. Расскажи только еще о матери, как ее звали – Натали? Расскажи о ней побольше. Я видела ее фотографию, получила твое письмо, но мне хочется услышать, что ты думаешь о ней как юрист. Ты же бог заключительных речей.

Кайл ехидно хмыкает:

– Подлиза. Сейчас, только фету доем. – На время замолкает. – Ну ладно. Она красотка. Была красоткой. Согласна? А еще она была очень умной и любознательной, даже слишком. Из местных. Жизненный путь – чисто мыльная опера: мама из Редрута²⁷, наркоманка, алкоголичка, проблемы с психикой, да и отец, судя по всему, не лучше. Похоже, сбежал, когда Натали родилась. Мать умерла от передоза, Натали подростком угодила в приют. Паскудный детдом в Пензансе. Экзамены она благодаря уму удивительным образом сдала на отлично, но в университет не попала – наверное, из-за долгов. На Малколма она, видимо, смотрела как на систему соцзащиты. Тьяки – это старые деньги. У Малколма два ресторана, один в Сент-Айвзе, другой в Портлоу, на Роузленде,

²⁷ Город в девяти милях к западу от Труро.

ты, наверное, его знаешь – «Фальшборт»...

– Конечно, знаю. Мы с Бетти бывали там пару раз. После порции сердцевидок ее одолела слабость.

– То есть онахватила водки.

– Может быть. Но у бабушки Спарго вообще сердечная слабость к сердцевидкам. Боюсь подумать, что будет, если она дотянется до рыбы-пенис²⁸.

Кайл хихикает. Я улыбаюсь, но моя улыбка увядает, я снова чувствую резкую боль. И отгородиться от нее на этот раз не получится, не выйдет врубить очередной грохочущий дэт-метал. От такого четкого воспоминания не отгородиться.

Потому что на миг мы – все трое – снова благословенная молодая семья, мы смеемся на кухне нашего домика в Сент-Мавесе, Минни танцует танго возле холодильника, демонстрирует новые па, а я, мама... нет, не так, я не мама, а Мама, стою у плиты и помешиваю мидии с пряными травами и вином, Папа расслабляется с бутылкой пива в руках после дня в суде, и Минни прекрасна, ей восемь лет, она пребывает в блаженном неведении насчет ужасов этого мира, мы смеемся на кухне – а теперь меня переполняет тьма, она вгрызается в меня, она бушует, и шторм этот столь страшен, что я думаю, не съехать ли на обочину или, может, зарулить прямо в ограждение набережной на Лонг-Рок.

Минни. Минни Шепланд.

²⁸ Разновидность морских червей, употребляются в пищу в основном в Корее и Китае.

Минни.

– Каз, ты как там? Все нормально?

– Да...

Я сбрасываю скорость. Вот и набережная. Впереди, на горе Сент-Майкл, высится романтический аристократический замок, от остального мира его отделяют бурные волны. Дождь совсем утих, небо сияет синими прорехами. Я останавливаю машину.

– Я... Я... Ладно. Просто... До скорого, Кайл. Увидимся.

Мы разъединяемся, как раз вовремя, чтобы Кайл не услышал, как я задыхаюсь от тоски – тоски, которая, я знаю, изводит и его тоже и которую он отгоняет плотным рабочим графиком. Но какое же оно непроглядное, это пронзительное горе из ниоткуда.

Я привыкла к этим приступам тоски, они всегда очень болезненны, иногда они прорываются через подземный ход моей крепости, но я научилась укрощать их, почти нормировать выдачу. Так что могу позволить себе пролить слезинку-другую по своей умершей дочери. Может быть, с десятков слезинок.

Я открываю дверцу машины, смотрю на Маунтс-бэй. Крепнувший ветер высушивает ежедневный лимит слез на моих щеках – те, что я позволяю себе пролить по Минни.

Боже, боже. Моя дорогая, моя мертвая дочь. Иногда мне видится в волнах ее лицо, она смотрит на меня, улыбается, манит меня: *иди сюда, иди ко мне.*

Достаю телефон и откидываюсь на спинку сиденья. Эмоции отхлынули, как печальный отлив, и я листаю свои заметки. Надо понять, куда я направляюсь. Балду-хаус, в пяти милях к западу от Пензанса, еще миля по извилистой узкой дороге Лэндс-Энда. Произносится как «Бал-ду». Я киваю моим корявым записям. Я достаточно хорошо знаю корнуолльский язык и в состоянии разобраться с этимологией. Бал-ду.

Черный рудник.

Ничего удивительного. Весь Пенуит, так же как большая часть Корнуолла – хотя в основном, конечно, это касается Пенуита, – изрыт шахтами, иным две, а то и три тысячи лет. Шахты эти проложены моими корнуолльскими предками, они, может быть, прорыты Бреями и Спарго пять сотен лет назад. Десять сотен.

Вот оно, это место, на карте. Да, на берегу моря, рядом с бухточкой, где упала с обрыва та молодая женщина – непонятно почему, оставив двух детей, которым я должна помочь, за помощь которым мне заплатят, потому что я умею помогать детям.

Захлопываю дверцу, еду по улицам Пензанса, выруливаю на дорогу, и город остается внизу, город уменьшается, дорога сужается, и вскоре я уже молюсь, чтобы никто не выехал навстречу, – дорога слишком узкая. Машина въезжает в крохотные деревушки, тут же выезжает, огибает внезапно вырастающие кельтские каменные обелиски. А вот и Веселые

Девы²⁹: круг из камней, представляющих девушек, которые, по легенде, окаменели из-за того, что танцевали в священный день. В детстве эта легенда меня ужасно пугала.

Превратились в камень? Остались здесь навсегда?

Я еду среди скрюченных артритом старых деревьев, но все равно чувствую, что слева от меня, прямо за гребнем, яростно надрывается Атлантика.

А вот теперь снова приходится остановиться: я и вправду заблудилась. Здесь, на последнем участке дороги, в медвежьем углу Западного Корнуолла, все так запутано, что карта в телефоне признала себя побежденной. Так далеко на запад я не заезжала уже много лет. Стоит выбраться наружу, как налетает по-рыв морского ветра, меня с выражением крайнего интереса разглядывают чайки, почти неподвижно висающие в стремительных потоках воздуха, теперь уже влажных, обещающих морось.

Вот он.

Балду-хаус! Я вижу его с того места, где вышла из машины, – большое, с множеством пристроек, старинное на вид серо-золотистое строение, одно в небольшой лесистой долине, которая спускается к берегу. Вдали бесится океан.

Вцепившись в руль, я с трудом преодолеваю последние полмили. Грязь толстым слоем налипла на колеса, жующие коровы взирают на меня со смутным негодованием, а дорож-

²⁹ Мегалитическое сооружение (гранит) эпохи позднего неолита или бронзового века (около 2500–1500 гг. до н. э.), находится на юго-западе Корнуолла.

ка между изгородями вгоняет меня в клаустрофобию. Я чувствую, как темный, сердитый по осени терновник сдирает с моей машины остатки краски.

Ветви-обрубки раздвоенных деревьев свидетельствуют о нешуточных ветрах, но в сумраке леса там и сям идилично звенят ручейки, сбегаящие к морю. Глушь даже по меркам Пенуита, но по-своему очаровательная. Могу понять людей, решивших жить здесь, вдали от всего, зато в центре единственного важного для них мира. Или, может быть, мира, из которого невозможно сбежать.

Хлюпя грязью, делаю последний поворот, оказываюсь прямо перед Балду-хаусом – и в изумлении замираю.

Потому что я уже бывала здесь.

Я точно знаю, что вижу это место не в первый раз.

Как? *Как?* Не понимаю, но при виде Балду-хауса я испытываю острое чувство узнавания. Но я *никогда не бывала* здесь раньше, я ничего о нем не помню, у меня не было причин приезжать сюда.

Бессмыслица какая-то. Как будто проснулась – и поняла, что все еще сплю и вижу кошмар. Как будто знаю: что-то приближается. Вот теперь мне точно хочется развернуться и уехать отсюда подальше. Обойдусь без денег, найду других клиентов, все это ужасная ошибка, наверняка ужасная ошибка. Или Отто накосячил, или я неверно истолковала его предсказание. Дома Отто, наверное, полыхает красным: уезжай, не медли, *беги*.

Но это же смешно! Во мне говорят, взывая к глупостям, поколения Спарго, странные старые истории, какие рассказывают в приморских кабаках, в подвалах, где пьянствуют мародеры и пираты. Я не хочу бежать. Я профессионал, квалифицированный и уважаемый судебный психолог. Я знаю о детской психологии все, я читала Пиаже, Блатца³⁰ и Выготского. Мне известно о стадиях морального реализма, я знаю, что делать. Мне хорошо известно, как выявлять поведенческие расстройства у детей.

Я здесь, чтобы помочь детям, и я исполню свой долг.

Остановилась я в центре двора. Когда-то эта усадьба была фермой, но, похоже, это уже в далеком прошлом. Величественный, но пришедший в упадок дом похож на средневековый. Недружелюбные окна с заостренными навершиями – как бойницы для лучников. Однако дом все же пережил некоторую модернизацию – похоже, в георгианские времена. Или, может, в викторианские?

Наверное, я видела его в какой-нибудь книге или попалось фото в интернете, это и объясняет мое дежавю. Усадьба явно старая, почтенная, хоть и побитая жизнью, – обычный предмет интереса историков. А может, дом показали в новостях, в сюжете про смерть Натали Тьяк, но я просто не обратила на него внимания.

³⁰ Жан Вильям Фриц Пиаже (1896–1980) – швейцарский психолог, автор теории когнитивного развития. Уильям Блатц (1895–1964) – немецко-канадский специалист по психологии развития, автор «теории безопасности», предшествовавшей теории привязанности.

Наверное, так и есть.

Я ставлю машину на ручник, медлю. Надо вылезти наружу, подойти к двери и познакомиться с горюющим семейством. Мать, потерявшая ребенка, знакомится с детьми, потерявшими мать. С девочкой и мальчиком. *Она замкнутая, он разговорчивый.* Тяжесть их потери словно висит в воздухе.

Дует холодный ветер, снова начинается дождь, и я застегиваю куртку. Хрустя гравием, подхожу к большой старой двери. Деревянная, наверняка толстая, с внушительными шляпками гвоздей – не дверь, а щит. Вся в выемках, словно в нее били чем-то острым, словно она пережила атаку. Шестнадцатый век? Семнадцатый?

Стучу тяжелым железным молотком. *Впусти меня, впусти меня.* Где-то внутри отзывается эхо.

Ничего не происходит. Я стучу снова, и еще раз, и жду, жду слишком долго. Может, там никого нет? Ну если так, то я пошла. Какой смысл здесь стоять? Просто уйду, и все. В доме никого нет.

Или есть?

Позади дома раскинулся обширный сад, дальше начинается густой лес. И тут замечаю движение. Неясная фигура, появившаяся из сырости, похожа на женскую – вроде бы девушка в мешковатом черном анорাকে и черном худи. Черный силуэт растворяется среди темных кустов, низких деревьев, дорожек. Она будто что-то сжимает в руках – горбится, неподвижно-ломкая, над каким-то свертком.

– Здравствуйте!

Фигура останавливается спиной ко мне. Стоит поодаль, и я повторяю, уже громче:

– Здравствуйте! Вы не могли бы мне помочь? Я Каренза Брей...

Фигура медлит, на меня все еще смотрит ее спина.

– Скажите, пожалуйста, вы член семьи?

Фигура, не оборачиваясь, сутулится еще больше, словно я пугаю ее, словно я хочу выяснить, что она прячет в своем свертке. Словно она что-то украла.

Еще одна попытка:

– Пожалуйста, послушайте! Меня сюда пригласили. Пригласили Тьяки. Вы из этой семьи?

Фигура все еще медлит, но уже словно готовясь повернуться, показать мне, что у нее в руках, – и тут я осознаю, что ни за что не хочу видеть ее лицо, потому что оно может оказаться лицом Минни, или мамы, или еще кого-нибудь, кого здесь быть не может. Ко мне возвращаются моя вина, мое горе. По венам растекается холодная морская вода, в легких – лед. Я не могу взглянуть на эту фигуру. Не могу.

Не должна. Фигура поворачивается. И я смотрю на нее.

Взгляд упирается в очень белое женское лицо, осунувшееся и напряженное. Лицо незнакомое. Я стою под мелким дождем и пытаюсь совладать с неясным страхом. Женщина в худи разворачивается и быстро уходит, а я смотрю ей вслед, стоя у запертой двери Балду-хауса с его зловещими окнами-бойницами.

– Привет.

Я дергаюсь. Дверь уже приоткрыта.

Собрав волю в кулак, я оборачиваюсь и вижу трогательного маленького мальчика с копной буйных рыжих волос. Мальчик молчит, вопросительно глядя на меня. Должно быть, это малыш Соломон Тьяк.

Мне вспоминаются слова Кайла. *Увидишь этих детей – сама все поймешь.*

Мальчик улыбается, как застенчивый чертенок.

– Это вы женщина, которая собиралась поговорить с нами?

– Думаю, да. Это я.

– Папа сказал, что вы сегодня приедете. Поговорить с нами. Про маму.

– Да. Все верно.

Мальчик отступает, разворачивается к сумраку дома. Наконец-то можно оказаться в сухости. Я следую за Соломо-

ном Тьяком, который ведет меня в холл, где теснятся тени. Здесь пахнет старым деревом, старой кожей, старой плесенью и еще чем-то сладковатым с намеком на гнильцу – душок разложения? Что-то тут не так. Холодный печальный холл теряется в темноте и в то же время впечатляет. Стараюсь переключиться со странной встречи возле дома на работу. На своих новых клиентов.

– Как вас зовут? Меня – Соломон, но Грейс зовет меня Сол или Солли.

– Каренза. Каренза Брей.

– Хорошо. А вы знаете, завтра утром мне можно будет поваляться! Папа разрешил. *До семи!*

Соломон улыбается мне. На нем вельветовые брюки, футболка с изображением осьминога из японского аниме и спортивная куртка. На маленьком носу, на лбу – везде россыпь шафрановых веснушек, которые так идут к нечесаным рыжеватым волосам. В мальчишке есть что-то дикарское – и в то же время он выглядит ранимым. Хрупкая красота, как у лесов Пенуита.

Соломон вышагивает, будто батлер, который сопровождает меня к лорду, и не замолкает ни на секунду. По дороге я озираюсь по сторонам – стены коридора, за которыми угадываются зловеще просторные темные комнаты, обшиты деревянными панелями. Балду-хаус огромен и, судя по всему, почти безлюден. Соломон продолжает трещать:

– Папа сказал, чтобы я привел вас на кухню, чтобы со все-

ми познакомить. Надеюсь, вам понравится Грейс, моя сестра, но вчера я видел у себя в комнате *громадную* черную птицу, а Грейс говорит, что я вру. Нам сюда. Надеюсь, осталось что-нибудь поесть. Вы любите снеки?

– Да. Люблю. Всякие люблю.

– Я тоже, а мои любимые – с колбасками.

– Еще я люблю устрицы.

Соломон оборачивается, лицо встревоженно-радостное.

Он удивленно хихикает.

– Не может быть! Устрицы же противные! А вы милая!

– Спасибо.

Я иду следом и чувствую, как меня обволакивает печаль

– Соломон напомнил мне о Минни. Такой же невинно-суматошный, те же вспышки обожания, даже та же отстраненность, словно он не от мира сего. Удивительные, пусть и порой нелегкие чувства переполняют детей в этом возрасте. Благодаря чтению Пиаже и многолетнему изучению детской психологии я знаю, что семь лет – это возраст магического мышления, когда дети не просто любят сказки – они сами, по сути, сказки. Бабушка Спарго не согласилась бы. Попивая бренди, стала бы рассуждать о том, что дети все еще близки к Иным Краям, ведь они так недавно пожаловали оттуда.

Да, Бетти Спарго наверняка так бы и выразилась: «пожаловали».

– На кухню сюда... Каренза.

Соломон выговаривает мое имя аккуратно, словно оно

требует особого почтения. Потом толкает дверь – и все меняется. В отличие от остальной части дома, которую я успела увидеть, кухня ярко освещена, тут разлито ощущение тепла, и она современная. Рабочие поверхности из гранита, сверкающая плита и массивный дубовый «остров», вокруг которого сидят на высоких стульях три человека.

Худенькая и бледная темноволосая девочка лет десяти грустно смотрит перед собой серо-голубыми глазами. Наверное, это Грейс Тьяк. Похожа ли она на свою красавицу-мать? Мужчина с медно-рыжими волосами и медно-рыжей бородой, явно за сорок, – вероятно, ее отец Малколм. Тот самый человек, что опасливо попросил о помощи.

И наконец, угловатая женщина с узкими губами, с множеством браслетов на руках, покрытых татуировками. Ей хорошо за тридцать.

Малколм Тьяк поднимается и выдвигает дорогой, явно сделанный на заказ стул, ставит на стол кружку, наливает чай.

Я принимаю предложение. Сажусь. Малколм тоже. В воздухе разлиты напряжение и неловкость, тишина почти угрожающая. С чего же начать? «Привет, я судебный психолог, которого вы наняли. Я слышала, ваши дети плохо справляются с потерей матери. Что ж, смерть родителей почти всегда влечет за собой травму, связанную с долговременной разбалансировкой гипоталамо-гипофизарно-адреналовой системы, что может иметь для переживших утрату детей

множественные последствия, и...»

Я не произношу ни слова. Это не официальная беседа в официальном кабинете, предназначенном для таких бесед. Это не тюрьма и не больница. Придется нащупывать дорогу потихоньку, импровизировать, чтобы эти горящие люди сами указали мне путь к ним. Я умею обращаться с людьми в горе, но сначала требуется узнать карту местности.

Светскую беседу я все же начинаю, пусть и с большим трудом. Холодный свет за большим окном кухни уже тускнеет.

– Я чуть не заблудилась по дороге, даже телефон сдался.

Малколм мычит:

– Да. Бывает.

Еще одна попытка:

– А последний участок дороги просто лабиринт!

– М-м. Да.

Малколм явно не расположен к беседе. Я испытываю те же смешанные чувства, что и во время нашего телефонного разговора. Он не хочет, чтобы я была здесь, но я здесь по его приглашению. Наверное, ему *и правда* нужна помощь.

Беседа сворачивает на погоду: дождь, кажется, снова прекратился. Соломон ерзает. Грейс Тьяк решительно смотрит перед собой, словно на стене кухни что-то притягивает ее взгляд, тревожит, но она не хочет никого спрашивать. Угловатую женщину мне представили как Молли, сестру Малколма. Она «помогает с детьми». Я снова пытаюсь прояснить ситуацию – буквально чую страх, пронизывающий все вокруг.

– Рада знакомству, Молли. Меня зовут Каренза.

– Привет.

Молли вяло стучается со мной кулаками в знак приветствия, но еле заметная улыбка снова уступает место выражению мрачной сдержанности.

Соломон, которого распирает энергия, нетерпеливо подсакивает на стуле:

– Папа, дождь кончился, можно я поиграю на улице? Там ласка! Я хочу ее посмотреть. Я назвал ее Ной.

– Конечно, – буркает Малколм, но по лицу его проскальзывает призрак улыбки. – Ступай. Поищи эту свою ласку.

Соломон пулей вылетает из кухни, распахивает дверь на улицу. В кухню врывается осенний холод, неся с собой мертвые листья и еще больше напряжения. Молли встает и захлопывает дверь, после чего снова воцаряется тяжелая тишина.

Наконец Малколм произносит:

– А вы, – он многозначительно взглядывает на Грейс и Молли, – не оставите нас вдвоем? Пожалуйста. Мне надо поговорить с доктором Брей.

Грейс и Молли подчиняются. Грейс, все с тем же сосредоточенно-неприступным видом, выходит из кухни, Молли пожимает плечами и следует за ней, попыхивая вейпом, она будто сердится, но ни на кого конкретно.

Малколм провожает их глазами. Я жду, что теперь, когда мы одни, он заговорит, но он просто... смотрит. То ли на меня, то ли сквозь меня. В его душе явно происходит ожесто-

ченная борьба.

Я пытаюсь завязать разговор, но попытки ни к чему не приводят. В голове крутится вопрос: какие впечатления? Правило судебного психолога гласит: «Всегда оценивай свои собственные впечатления». А хозяин, несмотря на свой хмурый вид, пока не производит на меня впечатления человека, способного на убийство. Я повидала достаточно убийц, и первое впечатление обычно возникало почти сразу – первые минуты были определяющими. Сейчас ничего подобного.

И все же я знаю, что недалеко от этого места погибла насильственной смертью женщина, а у ее детей, по всей видимости, неконтролируемые эмоциональные всплески. Любому профессионалу известно, что насильственная смерть или самоубийство одного из родителей значительно повышает риск депрессивных расстройств – по крайней мере, в течение двух лет после трагического события. А здесь прошел год, и у детей явное расстройство. Вот тебе и достоверное на первый взгляд доказательство того, что с Натали Тьяк и вправду произошло нечто ужасное.

Наконец Малколм Тьяк находит еще несколько слов:

– Ну что же, доктор Брей. Как все это будет происходить? Как вы можете нам помочь?

Я бросаюсь в открывшийся проход:

– Для начала – просто Каренза, а не «доктор». Далее. Правил здесь нет. Особенно когда речь о детях в их собственном доме. Начнем с разговоров, наблюдений. И если нам повезет,

то перейдем к... помощи. Возможно – терапии. Я буду искать подход к детям, приезжать и уезжать, когда потребуется.

Долгая пауза.

– Ладно. – Взгляд падает на дверь, словно хозяин прислушивается к чему-то, что его беспокоит, потом Малколм поворачивается ко мне: – Теперь про деньги. Мы договорились. Да?

– Да, конечно, вопрос улажен.

Малколм кивает. И снова ледяное безмолвие. Небо за окном чернеет, делается холодным, а меня охватывает отчаяние. Как мне пробиться к этому наглухо закупоренному человеку, к этой наглухо закупоренной семье? Что у меня общего хоть с одним из этих людей? Они богатые, странные, с чего начать? Может, с пугающей фигуры, которую я встретила у дома?

– Я видела в саду молодую женщину.

Малколм пожимает плечами, но я упорствую:

– Кто она? В черном худи, выглядит довольно... нервозно.

Странноватая.

– В черном худи? Наверное, это Триша. Уборщица. Живет там, пока работает у нас.

Вот, значит, как. Снова повисает молчание, которое причиняет почти физическую боль. Мы уже обсудили погоду и печальное состояние дорог в Пенуите. Может, попробовать спорт? Увлекается он спортом или нет? Проблема в том, что я в спорте почти не разбираюсь. Может, астрономия? Поли-

тика? Авторемонт?

А может, взять да и спросить у него: «Это вы убили свою жену?»»

– Сколько?

Хозяин разомкнул уста. После бесконечного молчания – как взрыв.

– Прошу прощения?

– Сколько? – громко повторяет Малколм. – Сколько времени? Это займет? Пока вы закончите свою работу?

Он особенно выделяет слова «закончите свою работу» – ему очень хочется, чтобы я закончила свою работу и убралась как можно скорее.

– Трудно сказать. Извините, но я не могу обозначить точные сроки. Для этого мне надо узнать больше.

– Ладно, – бурчит Малколм.

Он пытается улыбнуться, и я вижу, какие муки ему это доставляет.

Но меня так просто не вывести из себя. Начало, может, и трудное, но я напоминаю себе о множестве трудных случаев в моей практике, которые поначалу казались столь же безнадежными, как этот. Я взяла за правило относиться к ним как к покорению скалы: строгая очередность движений, далеко вперед не загадывать. Но точка опоры мне все еще нужна. Я была хорошей альпинисткой. Помню, с каким выражением Кайл в первый раз смотрел, как я карабкаюсь по валунам, помню огонь желания в его глазах.

И тут я вспоминаю, что у нас с Малколмом Тьяком есть кое-что общее.

– А ведь я была в вашем ресторане в Портлоу! В «Фальшборте»! Как же мне понравилось желтое крабовое карри по-тайски! Боже мой!

Каменное лицо Малколма смягчается. Наконец-то. Губы растягиваются в полуулыбке, за которой следует короткий рассказ о рыбном рынке в Ньюлине. В точку! Минут десять-пятнадцать мы болтаем о еде, особенно о дарах моря. Выясняется, что оба любители устриц, лангустинов и даже угрей, но только если они с табаско; оба восхищаемся одним и тем же знаменитым шеф-поваром, специалистом по морепродуктам, который ныне трудится в Порт-Айзеке³¹.

– Да! – с улыбкой вздыхает Малколм. – Я пытался перетащить его к себе. Ему тогда было двадцать пять, что он только не делал из гребешков! А сейчас он на телевидении. Перешел в другую весовую категорию.

С блеском в глазах он принимается рассказывать о безумии шефов, и тут я не могу поспорить: по моим наблюдениям, около шестидесяти семи процентов людей, занятых приготовлением еды, – это люди с нейроотличиями, а среди шеф-поваров таких больше девяноста восьми процентов. Пока мы беседуем, я отмечаю, что Малколм Тьяк оживает, когда говорит о работе. Он амбициозен. И успешен. Он мечтает и надеется, несмотря на явное горе.

³¹ Рыболовецкая деревня на севере Корнуолла.

Повторюсь, в моих глазах это не служит доказательством того, что он убил жену. Но я также знаю, что это ничего не значит. Делать выводы еще рано, а убийства в кругу семьи могут возникнуть из ниоткуда или в любой момент – как плохая погода в Западном Корнуолле. Однако надо ковать железо.

– Малколм, почему бы вам не рассказать, что происходит в Балду-хаусе? – Я подбадриваю его улыбкой. – Может, это и будет нашей оправной точкой?

Малколм Тьяк вертит кружку по чудесной дубовой столешнице, медленно кивает:

– Ладно. Ладно. Ну... тут много чего происходило. До хрена всего.

– Конечно, но путь в тысячу ли начинается, сами знаете, с первого шага.

Малколм глубоко вздыхает.

– Хорошо. Ну вот, например. Вчера Грейс заявила, что мы все в опасности.

– В каком смысле?

Малколм кривится.

– Молчунья она, моя дочь. Увидите. Но вчера она выдала эту... э... – Он трет лицо. – Форменную проповедь закатила. Все мы, говорит, в ужасной опасности, все, *кроме нее*. Кроме нее? О чем это она? Я понятия не имею, что происходит. Дети как будто медленно сходят с ума. Почему? Что происходит в этом доме?

Теперь в его взгляде ничего, кроме искреннего непонимания.

– Помогите нам, доктор Брей, прошу вас. Я не знаю, что делать. Пожалуйста, помогите нам, пока не произошло что-нибудь по-настоящему дурное.

Следующего слова он не говорит, но я угадываю его. Пока что-нибудь по-настоящему дурное не произошло... *снова*.

6

Пустые кружки заботливо составлены в посудомойку. Малколм Тьяк ведет меня на экскурсию по дому. Экскурсия короткая – у него много дел.

– Он большой. И старый. Этот дом.

– Я заметила.

– Идемте.

Мы выходим в главный холл, который, наравне с кухней, кажется нервным центром дома. Я снова вдыхаю особый запах: время, олифа, кожа... и увядшие розы. Как на старом сельском кладбище. Только более сладкий и печальный запах, странный.

Холодно.

Я ежусь, ловлю взгляд хозяина из полумрака.

– Вы уж извините, но здесь бывает зверски холодно. Не могу позволить себе отапливать весь дом, мы так в трубу вылетим. Так что тепло и светло у нас всего в нескольких комнатах – у детей, у меня и в гостевой, где живет Молли. В паре гостиных. Вот и все. Если решите спуститься в туалет на первом этаже, вам может понадобиться верхняя одежда. А после наступления темноты – фонарик.

Я хочу спросить об очевидном, но медлю... Однако напоминаю себе, что я здесь в качестве судебного психолога, моя работа и состоит в том, чтобы спрашивать об очевидном. Эта

семья не нуждается в вежливости, она нуждается в помощи.

– Малколм, вы не думали перебраться в более удобное место? Дом большой, холодный. У вас дети, а до ближайшей школы несколько миль.

Хозяин морщится, словно слышал подобное уже много раз.

– Конечно, думал. И отвечал себе: нет. Тьяки владели Балду много веков. Шестьсот лет? Восемьсот? И речи не может быть о том, чтобы мы его продали. Или перебрались в другое место. Бред. – Он говорит так, словно это дело решенное. – За садом, позади дома, у нас рудники, рудники дрянные, они начали приносить доход только в девятнадцатом веке, а в восьмидесятых годах того же века их закрыли. Но они принадлежали нам. И мы в долгу перед ними. Перед нашей землей. Нашими рудниками. Мы же их разрабатывали! Тьяки жили здесь.

– А уголья вокруг?

– Не-ет. Я их сдал другому фермеру. Терпеть не могу коров, их терпеть не мог мой отец, и его отец тоже. Я и молоко-то не переносу, в основном из-за слизи, которая течет из коровы.

– Никогда об этом не задумывалась.

Хозяин мрачно усмехается.

– Дело Тьяков – сражения и рудники. Мои предки подавили Восстание³², приобрели много земель. – Он сообщает

³² Восстание 1497 г. (из-за налога на войну с Шотландией) или Восстание

об этом не без гордости. – Ну, может, мы и мародерством промышляли. В той маленькой бухте.

– А другие Тьяки?

– Отец умер. Мама в Пензансе, инвалид. Сидит в коляске. Не смогла здесь оставаться, отдала дом мне. Вот я тут и живу. С детьми. И никуда отсюда не уеду.

Во мне просыпается профессиональная настороженность. Значит, мать отдала дом Малколму. Молли, младшая сестра, Балду *не унаследовала*. Она вообще хоть что-нибудь получила?

Не исключено, что один источник напряжения, царящего в этой семье, я уже обнаружила.

– Ладно, – продолжает Малколм. – Внизу – подвал, темный, сырой и холодный. Средние века. В восемнадцатом веке там хорошо было хранить контрабандный бренди, а больше он ни на что не годен. Я как-то отнес туда запчасти от моторной лодки – заржавели за неделю.

– А наверху?

– Спальни. Семь. Идиотизм. Там, – он взмахивает рукой, – у нас утренняя столовая, не используется, музыкальная комната, не используется, зимний сад с книгами – там светло и почти сухо. Хозяйственные постройки, теплицы – могу продолжать до бесконечности. Ну вы поняли. Дом на любой возраст. Кухня – его сердце. А теперь у меня дела, завтра доставка в ресторан. Хотите поговорить с Грейс? Сейчас, на

верное, подходящее время. Им сегодня задали на дом, а домашнее задание она всегда делает после обеда, но если вы торопитесь...

Кажется, экскурсия по дому окончена. Да, не Хэмптон-корт³³. Но суть я уловила, и я действительно хочу поговорить с Грейс с глазу на глаз, чтобы начать работу. Не провести заранее подготовленную беседу, такая беседа подождет, а пока мы просто поболтаем. Скучный день уже догорает, и до дома мне восемьдесят минут езды сквозь осеннюю тьму.

– Она у себя. – Малколм указывает на скромно-величественную деревянную лестницу с неровными ступеньками. – Третья дверь слева. Просто постучите.

С этими словами он уходит.

Света все меньше, ступеней почти не видно. Ленивый дождик вернулся, шелестит по окнам, мокрый ноябрь идет все по той же монотонной дорожке – в зиму. Я шарю по стене, щелкаю выключателем, и тусклая экономичная лампочка бросает желтый свет на холл и перила, лестницу удастся кое-как разглядеть.

Наверху, на такой же полутемной площадке, я медлю. Здесь арочное окно – готическое. Из него открывается вид на леса и поля, окружающие дом. Между очертаниями скал видно море, почти черное в сумерках. Корабль на горизонте мокро переливается огнями. Он так далеко, что как будто

³³ Королевский дворец в окрестностях Лондона.

стоит на месте.

Вот и третья дверь слева, такая же старая, как остальные. Здесь старое всё, все половицы скрипят, свидетельствуя о старинном упадке, и все же деревянные полы покрыты изысканными турецкими коврами. Я начинаю подозревать, что деньги у Тьяков нешуточные, и деньги эти в семье уже давно.

Тихонько скребусь в дверь. Мне отвечает тихий одинокий голосок:

– Да?

– Привет, Грейс. Это Каренза. Можно войти?

Долгая пауза. Потом:

– Нет.

– Извини?

Молчание.

– Грейс?

Девочка за дверью громко вздыхает и спрашивает:

– А зачем вам входить?

– Ну... вдруг тебе нужна моя помощь.

Еще одна пауза, дольше первой. Потом Грейс произносит:

– Ладно.

Я поворачиваю дверную ручку, та скрежещет. Слава богу, в комнате светлее. Милая просторная спальня с зелеными стенами и большими георгианскими подъемными окнами, одно из которых полуоткрыто, за окном шелестит в сумерках сад. Если Малколм не соврал, то старые рудники где-то рядом, а зачем бы ему врать?

За этой мыслью приходит другая. Я осознаю, какой опасности подвергаюсь, *просто приезжая сюда*. Единственный мужчина, проживающий в этом доме, может оказаться женоубийцей, а я сунула нос в дела его семьи. Он понимает, что я могу что-нибудь разнюхать, и не хочет, чтобы я бывала в доме, но в то же время у него нет выбора: его детям нужна помощь.

От страха на миг сводит желудок. Я отмахиваюсь от этой мысли. Кайл никогда не отправил бы меня в опасное место. Мы развелись, но за разводом стоит трагедия, а не обида. У нас с бывшим мужем слишком много общего.

Грейс сидит на кровати, скрестив ноги по-турецки, на коленях книга. «Холодный дом» Диккенса. В десять лет? Да, умная девочка. Начитанная. «А домашнюю работу она всегда делает после обеда».

На Грейс черные легинсы, черная футболка, а кофту с капюшоном она сменила на белый кардиган на несколько размеров больше, который превращает девочку в странноватую старушку. Я машинально сканирую комнату. Читать местность, как психологический шрифт Брайля, – один из профессиональных навыков.

Комната Грейс украшена старинными картами Корнуолла, изображениями плывущих куда-то кораблей и разномастной всячиной. Раковины большие, раковины витые – наверное, она подобрала их в заливчике, на скалах. Два глобуса – тоже старинные? И старое, облезлое чучело хорька с

навек оскаленными отвратительными желтыми клыками – хорошо, что в стеклянной витрине.

Вдоль двух стен стеллажи с книгами. Еще Диккенс, «Дракула», сонеты Шекспира, «Гарри Поттер», книги о китах и Антарктике. Медные инструменты. Мореходные. Предмет, похожий на секстант. Старое серебряное зеркальце. Как будто здесь живет специалист по истории военного флота.

– Грейс, можно сесть на этот стул?

– Да, – говорит Грейс так, словно пожимает плечами.

Кое-что о Грейс я уже знаю, теперь к уже имеющейся информации прибавляются односложные ответы и нежелание смотреть мне в глаза. На пороге маячит возможный предварительный диагноз «расстройство аутического спектра», но я не концентрируюсь на этом. Сейчас это неважно. Я хочу помочь этой девочке с нервным расстройством, которое не укладывается в рамки понятия «нейроотличность». И горевание – не синдром. И страх тоже – особенно если есть чего бояться.

А маленькая Грейс Тьяк считает, что они все в опасности. Эта девочка очень напугана. Где источник ее страха?

– Я приехала, чтобы помочь, Грейс, но нам надо поговорить. Ты не могла бы отложить книгу?

Упрямый вздох, потом:

– Ладно.

Книга отброшена, Грейс смотрит вверх и в сторону. Резко очерченное хорошенькое бледное личико. Грейс отвора-

чивается к приоткрытому окну, которое дребезжит под напором ветра и черноты, и говорит:

– Дождь. Опять. Всегда идет дождь.

– Не любишь дождь?

– Не люблю.

Сказано это не без раздражения, за словами следует молчание. В окно задувает холодный сырой ветер. Я специально затягиваю молчание, дожидаясь, пока Грейс станет некомфортно. Похоже, она может молчать довольно долго. Однако я ошиблась, долго ждать не приходится, через минуту Грейс начинает говорить:

– Но... мне нравится ветер. Я люблю, когда в Балду ветер. На прошлой неделе я читала про корабль, который унесло ветром так далеко, что он превратился в ворона, красивого ворона, а потом умер. Утонул ночью в море.

Она взглядывает на меня, серо-голубые глаза вспыхивают, но потом девочка снова отворачивается.

Я хватаюсь за эту возможность.

– Грейс, мне бы хотелось обсудить... Ты кое-что говорила.

– Например?

Если бы она посмотрела на меня прямо, я смогла бы расшифровать выражение лица, язык тела. Но Грейс Тьяк не обязана этого делать. Ее взгляд не отрывается от окна, словно за ним чье-то лицо или захватывающий вид на старые китобойные суда.

В комнате тихо, если не считать ветра и дождя. На меня

в упор глядит мертвый, набитый тряпками хорек. Или это норка? Желтые клыки наготове, лесной убийца.

Надо же с чего-то начинать.

– Грейс, ты говорила отцу, что ваша семья в опасности.

– Не говорила, – следует быстрый ответ.

– Он сказал, что говорила.

– Не говорила.

– Но...

Холодный ветер Пенуита надувает занавески. Я начинаю формулировать очередной вопрос, но тут Грейс оборачивается, теперь она с яростью не отрываясь смотрит мне за плечо.

– Мой отец лжет.

– Прости?

– Не верьте ему. Ничему, что он говорит. Не верьте. Он принес то зеркало. Вон то. Сказал, что мамино, что оно, может быть, мне понравится. Он врал. Ненавижу это зеркало. Оно страшное. Всегда таким было.

Десятилетняя девочка – и клокочущий, ключом бьющий гнев. Я в замешательстве смотрю на изящное, явно старинное зеркало с длинной ручкой. Небольшая красивая вещица кротко серебрится в темноте полки.

Я тянусь к нему, чтобы посмотреть поближе.

– Нет! Не трогайте! – пронзительно вскрикивает Грейс.

– Почему?

Лицо у девочки мрачнее некуда.

– Оно мамино. Вдруг вы увидите ее лицо? Солли говорит – он видел.

Тут уж мне самой делается жутковато. Все-таки Грейс десять, пора бы перерасти магическое мышление. Неужели это регрессия? И Грейс какой-то скрытой частью души застряла на уровне семилетки?

– Когда, Грейс, когда Солли видел маму? В зеркале?

– Тогда.

– Когда?

– Не скажу. Спросите Солли. Она... Это все из-за него, он сделал кое-что ужасное.

– Грейс?

Снова молчание. Ветер, хорек. Охотится на кроликов.

– Мне пора делать домашнее задание. Я всегда делаю домашнее задание после обеда, – бормочет Грейс.

– У меня всего пара вопросов. «Он» – это кто? Соломон?

– Не скажу.

– Хорошо. А почему ты говоришь, что «Солли сделал кое-что ужасное»?

– Я не сказала «Солли», я сказала «он». *КОЕ-ЧТО!*

– Грейс?

– Кое-что! – Девочка уже пронзительно кричит. – Кое-что! Кое! Что! Почему вы не слушаете? Почему никто никогда меня *не слушает*?

Сыплются громкие слова. Грейс маленькая, ей трудно, она в гневе, а может быть, ей вот-вот станет совсем плохо. Как

будто еще немного – и девочка разразится истерическими всхлипываниями.

Я и так сильно надавила. Зачастую с детьми труднее всего.

– Ладно, Грейс. Прости, пожалуйста, что я тебя расстроила.

– Не расстроили, – говорит Грейс стене у меня за спиной.

– Вот и хорошо.

Молчание.

– Наверное, на сегодня достаточно.

Молчание.

– Я собираюсь назад, в Фалмут. Дорога неблизкая.

Молчание.

– Ну ладно, я пошла.

– До свидания, – произносит Грейс все так же в стену.

Я поднимаюсь и иду к двери, ничего больше не ожидая от этого натянутого, гневного, странно-неприятного разговора.

Хорек торжествующе ухмыляется. Комнату наполняют нелюбимый Грейс дождь и любимый ею ветер. Но когда я уже у самой двери, Грейс Тьяк внезапно произносит:

– Вы... не приедете?

Я оборачиваюсь:

– Что?

– Вы. Не приедете. Еще раз?

– Ну, это зависит... зависит от вас, ребята. – Я почти заикаюсь, разнервничавшись из-за Грейс. Никогда бы не подумала. Я сохраняла невозмутимость, беседуя в тюрьме ее ве-

личества Белмарш³⁴ с серийным убийцей, который расчленил обеих жертв. А это всего лишь десятилетняя девочка с особенностями развития, десятилетняя девочка, которая еще не прожила горе.

– Вы правда уезжаете? В Фалмут? Мимо Мозла?

Правильно произносит – Мозл. Не «Маус-хол». Местная девчонка.

– Я так и знала, – прибавляет Грейс. – Все уходят. В итоге все *уходят*. Как каннибал, который убегает в пещеру у моря.

– Прости?

– Я читала в книжке. Про каннибалов. Они всегда живут у моря.

Я не знаю, как отвечать.

Во взгляде Грейс тоска, теперь девочка смотрит прямо на меня, а не мне через плечо. И выдерживает мой взгляд. Глаза в глаза.

– Каренза!

– Что?

– Мне страшно. Приезжай еще, пожалуйста. *Пожалуйста*.

Что это – слеза? Кажется, слеза. Естественный порыв – броситься к этому измученному ребенку и обнять. Но я знаю, что это неправильно, знаю, что надо соблюдать дистанцию, к тому же Грейс уже смахнула слезу, притушила эмоции и зарылась в книгу. «Я всегда делаю домашнее задание

³⁴ Мужская тюрьма на юго-востоке Лондона.

после обеда».

Поэтому я бормочу – достаточно громко, чтобы Грейс услышала:

– Я вернусь. Честное слово.

Выхожу на площадку второго этажа, в приглушенный свет старинного Балду-хауса. И с некоторой тревогой понимаю, что сердце у меня стучит как молоток.

Малколм

Ему кричат про палтуса. Малколм думает: *господи, палтуса только не хватало.*

Палтус.

– Черт его знает. Семьсот тысяч?

Су-шеф с неудовольствием смотрит на Малколма:

– Малк?

– Прости. Прости, прости. Дома кое-что случилось. Спроси, пожалуйста, шефа, мне надо разобраться с налогом на добавочную стоимость.

Су-шеф Андерс бросает на него сочувственный взгляд. *Дома кое-что случилось?*

Малколм внутренне содрогается от этой недомолвки – «дома кое-что случилось». Его жена Натали умерла. Его странные дети остались без матери. Вопросы без ответа в странном красивом доме, который он даже не может покинуть. В доме, который он делил с Натали, ныне покойной. Да, у него, Малколма, совершенно точно *дома кое-что случилось.*

Малколм возвращается к себе в кабинет, подальше от ляз-

гающего хаоса кухни. Думает о Натали, пытается не думать о Натали.

Поднявшись по лестнице, он толкает дверь и усаживается за стол. Сидя за этим столом, можно созерцать гавань Сент-Айвза от Смитонского причала до пляжа Портгвидден. Один из красивейших пейзажей города, и Малколм иногда развлечения ради прикидывает, сколько денег можно было бы выручить, продай он это место. Дом неминуемо поделят на несколько квартир – ну и пусть. Продажа дома принесла бы ему куда больше денег, чем приносит ресторан.

Но это означало бы продать еще один осколок Корнуолла *приезжим*.

Малколм не торопясь озирает открывающуюся за окном картину, испытывая рудиментарное удовлетворение, – вот они, наследственные владения. Когда рудники и земельные угодья истощились, его умные предки купили этот участок и такие же участки в Ньюлине и Фои³⁵ и начали оптовую торговлю рыбой – продавали сардину и отправляли в Лондон, бочками, миллиардами.

Но вот большая часть владений понемногу распродана и обращена в квартиры, чтобы можно было поддерживать жизнь в главном доме, а Малколм, последний представитель Тяков, продает голодным лондонцам морского окуня, тушеного с лимонным маслом и зеленым чили. И этот неустойчивый доход – причина головных болей, а голова у Малколма

³⁵ Прибрежные города на юге Корнуолла.

болит все чаще. Полагаться он может только на ренту от фермы, однако ферма приносит немного. Поэтому каждый день, вот как сегодня, он глядит на цифры, размышляя, не уменьшатся ли они за год, а тогда ему придется продать дом, они будут жить на эти деньги не один год, но продать он не может, они никогда, ни при каких обстоятельствах не должны продавать Балду, этого никто не поймет, все станет известно, правда выплывет на свет божий, может быть, дело даже дойдет до суда.

И снова мир сгрудился вокруг него. Сообщения, имейлы, кухонные разговоры просачиваются в кабинет, из соседнего кабинета кричат:

– Малколм, у нас проблема с овощами, грузовик сломался на шоссе А30.

– Та официантка опять звонит, говорит, что заболела. Кого поставить на замену?

– Насчет палтуса, Малк...

– Да, уже звоню оптовикам насчет этого чертова палтуса!

Время идет – быстро и в то же время медленно. Не эта сторона бизнеса ему нравится. Придумывать что-то, обсуждать меню с шеф-поварами, менять интерьер в соответствии с временем года, просчитывать, как он откроет новый гастронаб в Портлеvene³⁶, – вот это ему нравится, иногда даже очень.

Проходит полтора часа, Малколм наконец отрывается от

³⁶ Город, а также самый южный порт Великобритании.

бухгалтерских книг. Угасает редкий в ноябре солнечный день. Может, сделать перерыв, вернуться домой, к детям, – сегодня суббота. Ресторан проживет и без него, уж один-то день точно, а на вопросы пусть отвечает кто-нибудь другой.

Схватив телефон, пальто, ключи, он спускается по лестнице, сдает ресторан «Фал», целиком и полностью, Андерсу, как же ему повезло найти Андерса, он умный и расторопный. Управленец в процессе становления. Потом Малколм перебегает задний двор и забирается в большую помятую «той-оту», смотрит в интернете, что там на дорогах, и вздыхает. Карта сообщает, что единственное шоссе, ведущее из Сент-Айвза к Карбис-бэй, перекрыто из-за аварии, и если он поедет по одному из магистральных шоссе, ему понадобится час – два часа, чтобы одолеть десять миль до Пенуита, с севера на юг.

Значит, остаются дороги класса В³⁷. Придется ехать другим путем, к Сент-Джасту³⁸, потом пересечь гранитный гребень Пенуита и медленно тащиться через фермерские угодья и пустоши.

Сообщения продолжают сыпаться, даже когда он смотрит на карту. Одно – насчет палтуса. Малколм мрачно усмехается. Выключает телефон, вставляет ключ в зажигание и оставляет Сент-Айвз позади.

³⁷ Дороги второй категории, они связывают магистральные шоссе (дороги класса «А», главные дороги).

³⁸ Сент-Джаст-ин-Пенуит, город и административный приход.

Вскоре он уже в Сент-Джасте. Гранитные здания на маленькой площади. Малколм сбрасывает скорость, проезжая мимо часовой башни, накатывают воспоминания.

Именно здесь он встретил Натали. Наткнулся на нее, будто набрел на чудесный цветок, на обломок искристого пири-та³⁹. Она просто стояла там. Весенний первоцвет, который Малколм нашел под майским солнцем на этой скромной, но хорошенькой площади в Сент-Джаст-ин-Пенуите. Она стояла и улыбалась ему – прекрасная, темноволосая, красивая печальной красотой, исполненная внутреннего света. В руках у нее был завернутый в крафтовую бумагу пирог из «Уорренс».

Натали.

Печаль поражает Малколма, чувство вины оглушает, как гром, заставляет закрыть всё помнящие глаза.

Он тогда сказал ей, что пирожки из «Макфад-денз» вкуснее, чем эти. Она взглянула на него, как на шута. Но потом рассмеялась, и звук ее смеха был подобен звуку, с каким ручей стремится вниз по долине реки Батшеба, и он спросил, не хочет ли она выпить в двенадцать пятнадцать дня, не зная, как еще пригласить ее куда-нибудь. Ему исполнился тридцать один, ей – двадцать. Она сказала, что он явный алкоголик, и, наверное, именно в эту минуту он ее и полюбил.

Полюбил, как умел. Чего никто не понимал, никто не по-

³⁹ Из-за внешней схожести с золотом этот минерал еще называют кошачьим золотом или золотом дураков.

нимает и чему многие не верят.

Малколм заставляет старенький, но мощный мотор работать на повышенных оборотах, он гонит машину на юг, через Пенуит, плутая по извилистым тропам прошлого. К Криплсизу и Мэдрону⁴⁰, в места, которые она любила. Машина то съезжает в низины, то следует изгибам шоссе, Малколм видит очертания рудника Дин-Дон, шелковистый луг спускается к Маунтс-бэй. Это больше, чем воспоминания, – это икона, перед которой надо преклоняться. Потому что здесь они с Натали в первый раз занимались любовью – на этом лугу, под жарким солнцем, его тело рядом с ее прекрасным телом, ее застенчивая нежная улыбка. В тот первый раз он испытал такую нежность, что едва не расплакался, до Натали он не переживал подобного ни с одной женщиной, это чувство растворило всю его мужественность, но ему было все равно, с того дня ему хотелось, чтобы его душа была лишена мужского начала.

Вперед, назад. Потрепанная машина несется мимо каменных изгородей и кривых ясеней. Еще воспоминания. Вот здесь, возле Нанкледры⁴¹, она нашла лисий череп, выбеленный, будто яичная скорлупа, челюсть точно на шарнирах. А тут, у деревни Трезела⁴², она учила его названиям болотных растений – звездный мох и морошка, нартеций и пушица, –

⁴⁰ Деревня и административный приход на западе Корнуолла.

⁴¹ Деревня на западе Корнуолла, между Пензансом и Сент-Айвзом.

⁴² Хэмлет, к северу от Пензанса.

она говорила, а он почти сразу забывал и смотрел на нее с обожанием, но одного он никогда не забудет, как она произносила старые корнуолльские слова, которые выучила: первоцвет – *briallen*. Вот чем она была – его *briallen*, его первоцветом.

Натали Скьюз.

Он гонит машину вниз по узким, как в ночном кошмаре, дорогам, мимо очаровательных лужаек, с шумом рассекает лужи, объезжает туриста с палками, пугает изящную молодую кобылу, и та галопом уносится прочь, резвится в последних лучах прохладного осеннего солнца – солнца, которое быстро исчезает, пока он взбирается на самый высокий холм гряды, откуда открывается великолепный вид на Корнуолльский полуостров и море.

И снова он вспоминает.

Вспоминает, как когда-то стояли они здесь, в самом начале, как смотрели на запад, рука в руке, удовлетворенные, тихие, влюбленные. А потом она вдруг вырвала свою руку из его ладони и стала что-то записывать, она всегда что-то записывала. На их первом свидании она сказала, что хочет стать писательницей, но держала все в тайне, застенчивая – может, опасаясь, что в ее желании нет ничего хорошего. Она редко разрешала ему читать написанное, да он и не настаивал.

Но когда он в тот день спросил: «О чем ты пишешь?» – она указала на горизонт, на мыс Корнуолл, на Сеннен-ко-

ув, на бескрайнее синее море за ними и сказала: «У каждого кельтского народа есть легенда о землях запада, об иных краях, близких к небу. *Лайонесс*⁴³. Прекрасная земля мертвых. – Она улыбнулась печально-счастливой улыбкой. – И я спрашиваю себя: может, поэтому мы и пришли сюда? Нас сюда не пригнали, не вытеснили. Мы пришли сюда, чтобы найти ее».

И когда она произнесла эти слова, он взглянул на нее, на эту девочку из приюта, на эту кассиршу из супермаркета «Спар», что в Сент-Джасте, и потянулся к ней, и взял ее за руку, и он был счастлив.

А теперь он несчастен. И, может быть, приближается к источнику своего горя. К полям и болотам у городка Галвел. Он сворачивает налево, на самую короткую и узкую дорогу. Мимо раздолбанных темных изгородей и всклокоченных серых кустов. Все они сжались, дрожат, они искалечены.

Натали, может быть, и любила эти места со всеми их шрамами, но Малколм всю свою жизнь испытывал по отношению к ним двойственные чувства – возможно, потому, что Тьяки слишком долго *владели* этой землей... и насиловали ее. Рыли шахты, взрывали, расцарапывали ее, закисляли чудесные ручьи, и вода в тех ручьях становилась красной от железной руды. Они все так делали – все старые семьи,

⁴³ Также «Лионесс», легендарная земля (упоминается в легендах о короле Артуре) на юго-западе Корнуольского полуострова, в Ла-Манше, якобы ушедшая под воду в Средние века.

они наносили этой земле раны и заставляли ее истекать кровью. Бассеты, Киллигрю⁴⁴ и Вивьен, Уильямсы, Боскауэн⁴⁵ и Рашли⁴⁶. И Тьяки тоже. Здесь, на самом юго-западе, Тьяки постарались на славу, копая и ломая, разнося в щепки и мародерствуя, и они смогли построить Балду-хаус и наполнить его скарбом.

Осталось недолго, надо позвонить. Он достает телефон, включает – и тут же раздается звонок, телефон словно ждал, копил свое собственное напряжение. На экране высвечивается «Молли» – сестра.

Он принимает звонок, и сестра кричит в трубку:

– Малколм! Пожалуйста, Малк, приезжай *сейчас же!*

Он в замешательстве глядит перед собой. У Молли странный голос, она задыхается. Фоном слышен шум. Что-то с грохотом разбилось?

– Что там за черт? Что происходит?

– Дети! Малколм!

– Но я думал, что ты возила их в Труро, в кино. Я ехал домой, хотел немного побыть...

– Приезжай, и все!

⁴⁴ Один из старейших родов Корнуолла, ведет историю с XII в. Известные представители – сэр Джон Киллигрю (ум. в 1567 г.), прославившийся также как пират и контрабандист, и его жена леди Мэри Киллигрю, которая считается одной из первых пираток Англии.

⁴⁵ Аристократический корнуолльский род. Один из известнейших представителей – адмирал Эдвард Боскауэн (1711–1761), герой Семилетней войны.

⁴⁶ Старинный корнуолльский род, впервые упоминается в XIV в.

С его сестрой такого еще не случилось. Молли может быть желчной и ядовитой, может быть странной и немногословной, но он никогда не видел ее в панике.

– Да я уже еду!

Наконец-то – последняя миля, потом последние сто ярдов по грязи, он рискованно, на скорости, поворачивает, тормозит возле хлева и выскакивает из машины. Вбегает в дом, зовет Соломона, Грейс, Молли, но уже в холле все понимает.

Пол усеян керамическими осколками. Наверное, какая-то ваза. По осколкам не поймешь, какая именно, в Балду полно этого добра, во всех комнатах, обитаемых и необитаемых. Скорее всего, старинная – китайская, индийская, английская. Но неважно, это всего лишь посудина, главное – крики.

Голос похож на голос Грейс, вроде бы дочь в гостинной – то кричит, то замолкает, то снова пронзительно кричит, словно ее пытаются. Слышен и голос потише, взрослый, – его сестра пытается успокоить Грейс.

Малколм вздрагивает в ужасе. Голос Солли, сын наверху, он тоже кричит, почти визжит. Соломону всего семь, и кто-то пытается его успокоить, но кто? Взбегая по лестнице, Малколм спотыкается о выцветший турецкий ковер, который весь в складках, крики становятся громче, в середине коридора он толкает скрипучую дверь и видит Соломона – в футболке и шортах цветов футбольного клуба «Челси». Обычная мальчишеская комната – стеганое одеяло «Челси»,

лего-динозавры. Солли сидит на полу, а позади него на кровати сидит их сосед Сэм.

Ноги у Сэма расставлены, он держит Соломона, крепко обхватив руками, мальчик словно в клетке, словно оплетен смирительной рубашкой, будто мальчик обезумел, будто Сэм боится, что стоит выпустить Соломона, и тот сотворит нечто ужасное – с собой, с домом, со всем миром.

В комнате свищет сквозняк. Малколм смотрит на окно, что выходит на лес, оно разбито. Поблескивающие острые стеклянные клыки точно демонстрируют – окно расколотили изнутри, из комнаты. Малколм уверен, что это сделал Соломон.

Он требовательно смотрит на Сэма: «В чем дело?» Но загорелое, сосредоточенное лицо Сэма обращено к мальчику, которого он цепко держит.

– Господи, Сэм, что произошло?

Сэм переводит взгляд на Малколма, и Соломон тут же пытается вырваться, он лягается, отчаянно молотит в воздухе кулаками.

– Папа, скажи ему, чтобы он меня отпустил! Скажи, *чтобы отпустил!*

– Сэм, какого черта?

У Сэма измученный вид – взрослый мужик, с трудом удерживающий семилетку.

– Слава богу, ты приехал.

– Да что происходит?! Молли позвонила, но...

Сэм выдыхает, качает головой:

– Она и мне звонила, приятель. Я сразу примчался. Это продолжается, наверное, уже час. Окно... кухня... господи...

– *Папа!* Это она виновата!

– Кто, Соломон? И в чем?

Но его сын только трясет головой, выкрикивая что-то бессвязное, лишённое смысла. Он просто кричит. Вопит, будто одичавшая собака, будто лиса в зимнем тумане. Зрелище пугающее.

Снова и снова пытается вырваться, бьется, рвется из рук Сэма, зверек в силках, и Сэм беспомощно смотрит на Малколма, словно говоря: это твой ребенок, твой сын, твои жуткие дела, я стараюсь как могу, но разобраться со всем этим должен *ты*.

Малколм кивает и опускается на колени перед сыном.

– Хорошо, Соломон, хорошо. Сэм сейчас отпустит тебя, если ты обещаешь успокоиться.

Милое лицо мальчика сводит судорога. Страдальческое лицо, глаза полны слез, готовых вот-вот хлынуть. Маленький храбрец, пытающийся совладать с ужасом и горем. Он будто снова и снова выслушивает новость о маме – как в то утро, когда ее обнаружили на берегу залива. Малколм никогда этого не забудет, не забудет аккуратную кровавую полосу через все ее лицо, точно она отважный воин из племени апачей, готовый к битве и смерти. Что она поняла в свои по-

следние минуты? Знала ли, кто сделал это и почему?

– Соломон, ты можешь дать честное слово, что успокоишься, если Сэм тебя отпустит?

Мальчик затихает. Ветер со свистом задувает в разбитое окно, и Малколм отстраненно думает, что еще в доме разбито и сломано.

Соломон умоляюще смотрит на отца, он ждет, чтобы его подбодрили, утешили. Малколм улыбается со всей отпущенной ему теплотой.

– Все хорошо, Соломон, все хорошо... Сэм тебя отпустит.

Сэм медленно расцепляет руки, открывает клетку. Мальчик на свободе. Он волен бегать по дому, волен разнести все вокруг вдребезги. Но Соломон на коленях ползет по ковру, ныряет в объятия Малколма и затихает.

Малколм чувствует, как сердце сына несется вскачь, но сам мальчик неподвижен. Малколм нюхает волосы Солли: трава, солома и ваниль. Думает: «Сладкий запах твоих детей, может, только и есть на свете единственное хорошее». Особенно если мать умерла.

Малколм качает Соломона, приговаривая:

– Все нормально, все нормально. Теперь все хорошо. Все хорошо. Папа с тобой. Все хорошо.

Соломон кивает и что-то бормочет. Сэм говорит:

– Они так ужасно дрались! Нам пришлось их разнимать.

– Господи.

Малколм укачивает своего семилетнего мальчика словно

младенца.

– Что случилось, малыш?

Соломон шепчет – едва слышно, давясь слезами:

– Это ее. Это она. Грейс. Это она... положила его назад.

– Что?

– Зеркало. Хрень, которая показывает всякую хрень.

– О чем ты?

– Я нашел зеркало на кровати, ненавижу его, а она засмеялась и сказала, что я дурак, а я кинул его в окно, а потом мы стали драться и кое-что сломали, а потом, а потом...

– Что?

Солли затихает. Высвобождается из отцовских объятий и отодвигается. Теперь он больше похож на старичка – обхватил колени, кисти рук безвольно повисли, рыжие волосы упали на лоб, взгляд устремлен вниз.

– Папа, она сказала, что это я убил маму. Что я столкнул ее, потому что она больше любила Грейс. Это же... это неправда? Она врет, всегда врет.

Малколм неотрывно смотрит на Соломона, бросает взгляд на Сэма, потом снова смотрит на своего мальчика, на взъерошенные медные волосы, на перечную россыпь веснушек. Что ты ответишь, отец, который виновен? Что ответил бы любой другой человек? Сэм Беренсон сидит багровый, подавленный, а может, перепуганный.

Соломон поднимает голову и смотрит на разбитое окно. А потом говорит, и голос его глубок и серьезен, взрослый

ГОЛОС.

– Грейс знает. И ты знаешь, папа. Знаешь ведь? Грейс знает, потому что это сделала она.

– Поверить не могу, что ты влезла в это дело. Это безумие. Семейка-то странная.

– Натали Тьяк! Помню, помню.

– Может, прославишься как детектив. Миссис Каренза Холмс, Маритим-парад, 221В.

Я издаю тихий стон (вокруг толпятся люди с коктейлями) и бросаю отчаянный и слегка раздраженный взгляд на Дайну. Едва я присоединилась к вечеринке по случаю дня рождения, которую Дайна организовала, едва вошла в кафе «Моёвка», как меня тут же окружили любопытствующие – похоже, все уже знают, что меня наняли Тьяки из древнего Балду-хауса у прибрежной деревушки Пенберт-коув. Старинная семья. Мать погибла молодой.

Но откуда? Должно быть, Дайна постаралась. Кроме нее, знает только Кайл, а Кайл профессионал и никогда бы не разболтал.

Дайна делает виноватое лицо:

– Извини, ну прости, пожалуйста. Я только одному человеку сказала – новому владельцу, Эду. Он, знаешь, любит сплетни, а мы надеемся – может, он стипендию учредит. Как же надоело все выпрашивать у Эксетера... – Она видит, что я буквально закипаю от злости, и бормочет: – К тому же он такой хороший. Переехал сюда, чтобы быть ближе к детям,

он мне сам сказал. Он лучше прежнего владельца. Помнишь эту каргу Таис?

Мне плевать, я в бешенстве. Новый владелец нашего любимого прибрежного кафе слегка похож на Джаго Мойла – такой же обаятельный, – но на десять лет старше и куда манернее, да и денег у него не в пример больше и язык куда длиннее. Нашла с кем секретничать! Он тут же с радостью все разболтает – когда станет обходить посетителей. Вот и сейчас улыбка сиянием соперничает с блеском золотой печати на пальце.

Я озираюсь, люди с бокалами выжидательно таращатся на меня. Придется импровизировать. Отрицать, что я взялась за это дело, невозможно, но и выкладывать всю правду нельзя.

– Ну... может, я в глубине души всегда хотела быть детективом. Агату Кристи читала запоем.

– Да она и писала запоем.

Я оборачиваюсь. Прия Хардуик потягивает из высокого узкого бокала шипучку. Прия – подруга Дайны. Я с ней так и не подружилась по-настоящему, никак не могла найти время. А у Дайны для всех находится время, у нее просто талант притягивать к себе людей. Мне бы такую сверхсилу.

– Там двое ребят, да? – спрашивает Прия.

– Не могу говорить, они мои клиенты. Но подозреваю, что это секрет Полишинеля. – Я пожимаю плечами и делаю глоток шампанского. – Так что – да.

– Бедные дети. И мама – такая молодая...

– Я просто хочу им помочь.

– И это все, что ты нам скажешь? Неужели?

Еще один голос, мужской. Так и есть – Эд Хартли, понаехавший из Лондона владелец кафе. Красивый, темные волосы, широкая улыбка, серо-голубые глаза искрятся – явный любитель пошутить.

– Вы просто обязаны рассказать нам побольше! Там же был труп!

– Простите?

– Да ладно вам. – Он усмехается. – Доставьте нам удовольствие! Это же как телесериал, а мы тут *умираем* от желания посплетничать. Корнуоллу позарез нужны слухи!

Я ловлю взгляд Дайны, устремленный на него, – взгляд, полный обожания. И только теперь до меня доходит, что этот красавец ей нравится, поэтому подруга и проговорила – пыталась очаровать его. Интересно, понимает ли она, что он явный гей, пусть у него и дети. Я умею считывать такое. И жизнерадостно отвечаю:

– Ну, там есть совершенно жуткий хорек, вылитый убийца. Но он чучело и заперт в витрине. Так что его я из списка подозреваемых исключила. Пока.

Эд Хартли добродушно ухмыляется и говорит:

– Я встречал это семейство пару раз, чудесные дети, но вот Малколм Тьяк – суровый делец, да еще этот его братец, *enfant terrible*. – Он многозначительно смотрит на меня и со-

чувствующе кивает, но тут его отзывает кто-то из официантов, и кивок становится виноватым. Владелец кафе быстро удаляется, оделяя по пути вниманием других гостей.

Я пользуюсь моментом, чтобы подхватить канapé с подноса с закусками, эти подносы сновисто разносит девушка в белой блузке. Наверное, студентка Фалмутского университета, он всего в двух милях отсюда, в Пенрине.

Прикидываю: по меньшей мере две трети гостей на этом юбилее в честь пятидесятилетия одного из них преподают в университете или еще как-то с ним связаны. Профессура, аспиранты, а сам виновник торжества, Ноэль Осуэлл, возглавляет кафедру английского языкознания и по касательной задевает историю Корнуолла. Самоуверенный веселый эгоцентрик.

Я нахожу юбиляра:

– С днем рождения, Ноэль!

Ноэль фыркает:

– *Пятьдесят?* Но спасибо. И как я до этого докатился? Как дожил до пятидесяти?

– Наверное, тебе было сорок девять? – говорит Дайна.

Ноэль издает вымученный смешок и с любопытством смотрит на меня:

– Значит, вы работаете на Тьяков? Ну и семейка, даже и без убийства. А какая у нее история!

Он кладет ладонь мне на руку. Вроде простой дружеский жест, но меня коробит. В нем есть что-то покровительствен-

ное. Или, может, я слишком остро реагирую, меня сердит, что я оказалась объектом столь внимательного изучения. Ноэль усмехается, изо рта летят крошки.

– Печально известный берег. Не гуляйте там по ночам! Да и залив тот пользуется дурной славой.

Чувствуя себя в высшей степени неловко, я еще раз говорю себе, что Дайне надо вправить мозги. Потом, чтобы молчание мое было не столь демонстративным, беру еще одно канапе – в меру соленая тапенада, – а Ноэль уже обращается ко всему залу, просвещая собравшихся насчет истории Корнуолла. Он специалист и не упустит возможности донести этот факт до всех и каждого. Он автор книг о медных рудниках и ловцах макрели, о корнуольских привидениях и рудничной прислуге – девятилетних девочках, которых нанмали дробить камни в шахтах, и продолжалось это до начала тридцатых годов прошлого века. Интересно, знает ли он, что моя прабабушка, мать Бетти Спарго, была именно такой рудничной прислугой? Вряд ли.

Ноэль читает самую настоящую лекцию:

– Как я и говорил, история Тьяков из Балду еще та. В семнадцатом-восемнадцатом веках они, как считается, промышляли грабежом – обирали потерпевших кораблекрушение. Вплоть до начала девятнадцатого века. В компании с Киллигрю и Коппингерами, жестокими Коппингерами!⁴⁷

⁴⁷ Жестокий Коппингер – легендарная фигура, герой преданий и песен, популярных на севере Корнуолла. Пират и контрабандист, по легенде был выброшен

Рудники Тьяков рано истощились, но богатство Тьяков не растаяло. Что вызывает, так сказать, вопросы.

– Но я думала, что это сказки, – перебивает Прия. – Для туристов. Мародеры, грабители?

Ноэль качает головой:

– Нет. Обычный ревизионизм – удивительное кажется чепухой. Ну а в этом случае все правда. Они действительно заманивали корабли на скалы, этим промышляли целые семьи, особенно в Пенуите и Лизарде⁴⁸. Сбегали с холмов, проламывали несчастным черепа и убегали. Женщины несли чайники, куда переливали ром из бочек, мужчины тащили топоры и прочий инструмент, а также целые ящики китайского серебра! – Он сует в рот каначе и нараспев декламирует: – «Избавь нас, Господи, от скал и потопления, спаси от рук убийц из Бриджа и Пенберта». (Пауза.) А Балду-хаус ведь примерно в миле от Пенберта?

Ноэль Осуэлл умеет рассказывать. Теперь его слушает половина переполненного кафе «Моёвка». Кроме меня, потому что меня Ноэль раздражает, он так уверен в своих знаниях, к тому же Малколм Тьяк сам признаёт, что его предки могли быть прибрежными грабителями, от этого не отмахнешься. Но если и так, то что с того? Гены зла передаются из поколения в поколение? Вы серьезно?

на корнуольский берег штормом. Сколотив банду, контролировал береговую линию, грабил потерпевших кораблекрушение, а также подстраивал кораблекрушения сам, подавая ложные береговые сигналы.

⁴⁸ Городок на северной оконечности полуострова Лизард.

Ноэль заканчивает свою маленькую театрализованную лекцию страшной историей о судне «Ана», которое вышло из Бильбао и потерпело крушение в тумане у скал Три Каменных Гребца, возле Морваха, с десятков переживших крушение моряков добрались до берега только затем, чтобы их зарубили на песке. А ром, индиго и кофейные зерна перекочевали в тайные подвалы Пенуита. И серебро. Много серебра.

– Разбойники ждали в церкви Морваха, пока стрелка не покажет одну минуту после полуночи. Они не пролили бы крови в священный день воскресный, но не видели ничего дурного в том, чтобы убивать в понедельник. – Ноэль усмехается и закидывает в рот очередное канане.

Тут кто-то встречается с воспоминаниями о Натали Тьяк: выпуск новостей, труп на берегу, красивая молодая женщина, под подозрением член семьи, похоже, что произошло убийство, и как потом вся история сошла на нет. Все это время я ежусь от неловкости.

– Ладно, ребята, хватит. Зря я все разболтала, – вмешивается наконец Дайна.

– Это верно, – соглашается Ноэль. – Просвети нас, Прия, почему людям вообще интересны мертвые красавицы? Это же так избито!

Я больше ни минуты не выдержу. Отступая, я захватываю последний бокал шампанского, осушаю его в два глотка и ретируюсь, но по дороге загоняю в угол Дайну, та с готовно-

стью кается:

– Боже мой, мне так неловко! Надо было держать язык за зубами. Я буквально вскользь упомянула об этом Эду. Ты простишь меня? Ноэль Осуэлл просто невыносим! Как только его жена терпит.

Я сердито смотрю на нее. Она моя лучшая подруга, мы дружим с незапамятных времен, она знает, что я прощу ее, и, может быть, растрепала все, не подумав, просто в порядке флирта.

– Будешь за это несколько дней пасти моих зверей.

– Да, да, конечно! – торопливо соглашается она. – Слушаю и повинуюсь!

Я напускаю на себя мрачный вид, но потом улыбкой даю понять, что простила.

– Не говори, пожалуйста, больше никому.

– Клянусь молчать как рыба и кормить Эль Хмуррито неделю!

Мы коротко обнимаемся в знак примирения.

Я хватаю пальто, но вызывать такси медлю. Мне хочется бросить взгляд на волшебный в свете звезд пляж Джиллингвейз, море после нескольких недель наконец успокоилось, это первая сухая тихая ночь. Из глубин кафе на меня смотрит Ноэль Осуэлл, вопросительно и недоумевающе. Заметив, что я так же пристально смотрю на него в ответ, он коротко, почти нагло улыбается и отворачивается.

Такси прибывает, и я смываюсь домой, в мою тихую, иде-

ально чистую, уютную квартиру. Эль Хмуррито высокомерно игнорирует меня, словно ждет важного видеозвонка, я отвечаю тем же и приветствую Отто – серый с уклоном в черный? – а потом сажусь за стол, к ноутбуку, отвлекающее меня окно надежно зашторено, и просматриваю заметки и дела на завтра. Два клиента. Неплохо.

И все же я гляжу на свое расписание с некоторым разочарованием. Мне нужны все клиенты, до которых я только смогу дотянуться, я люблю интригующих, сложных, странных, проблемных людей, которые встречаются мне на пути, мне нравится работать с ними.

Но сейчас?

Сейчас, несмотря на этот вечер, а может, как раз из-за этого вечера, думать я могу только о доме с угрюмыми темными панелями на стенах, что стоит в зловещем лесу у Пенуита. И о двух одиноких детях, что сидят в своих комнатах на втором этаже. И о дожде и луне в водах залива, дно которого утыкано острыми камнями, на которые грабители и убийцы заманивали моряков на погибель.

Я смотрю, как Малколм залпом выпивает чай и сует в рот второе печенье. Быстро смахивает крошки со стола.

Малколм заканчивает излагать недавние *события*. Вернувшись, он обнаружил в доме разгром: осколки тарелок здесь, в светлой кухне, черепки вазы в холле, разбитое окно в комнате Соломона.

– Еще что-нибудь было?

Малколм дергает плечом, скребет рыжую бороду. Размышляет.

– Да ничего примечательного. В доме был кавардак, но семейную Библию никто не сжег.

И снова смахивает крошки с кухонного стола – прямо на пол. Я отмечаю: этот человек привык, что за ним приберут. Малколм продолжает:

– Может, Грейс и оставила пару щербин на мебели в гостиной. Она бесилась, но она же не борец сумо, она скорее... лягалась. Молли ее утихомирила. В конце концов.

– Они так и не сказали, из-за чего поссорились? Если не считать того зеркала?

– Нет. Все из-за него. Из-за зеркала. Из-за него и разразилась эта баталия. Идиотизм. Проклятое зеркало.

Но, произнося эти слова, Малколм Тьяк отводит взгляд. Это необычно, и взгляд ускользает совсем ненадолго. А это

показатель. Секундная уклончивость свидетельствует, что Малколм Тьяк может лгать.

Вспоминаю комнату Грейс и как девочка почти кричит. «Мой отец лжет!»

– Вы не знаете, – говорю я, – почему ваши дети так остро воспринимают это зеркало? Грейс тоже из-за него ужасно разволновалась в прошлый раз.

– Честно – не знаю. – На этот раз он не отводит глаза, смотрит прямо на меня. – Это зеркало Натали, их матери. Понятия не имею, где она его откопала – наверное, нашла в каком-нибудь сундуке после свадьбы. – Он делает широкий хозяйский жест: – Здесь столько комнат, столько вещей, случайных безделушек. Оно, наверное, индийское или японское? Как бы то ни было, Натали очень берегла его, держала в своем особом ящике вместе с дневником, парой сувениров, старыми фотографиями – больше у нее ничего не было. Тяжелое детство.

Его глаза затуманиваются. Грубоватый крутой мужик, но что это – тоска по любимой жене или чувство вины?

– А как зеркало попало к детям?

– Я отдал его Грейс, когда она была от горя сама не своя после... несчастного случая. Вещь, которая принадлежала ее маме, ценность, которую можно сохранить как память. Я думал, зеркало станет утешением. – Малколм глубоко вздыхает. – Зря я это сделал. Солли решил, что я отдаю предпочтение его сестре, и украл зеркало, а Грейс украла его назад. По-

сле чего оба заявили, что ненавидят зеркало, и при этом не позволяли мне его убрать. Будь моя воля, я теперь зашвырнул бы его в какую-нибудь шахту, но они же меня еще больше возненавидят.

Малколм смотрит на меня, взгляд его снова тверд.

– Зеркало здесь. Я отнес его на кухню. Место, где все соблюдают нейтралитет. Можете обследовать его на предмет магических заклинаний.

Я поворачиваюсь – зеркало и впрямь лежит на полке. Изящное, красивое – и обладающее властью над детьми.

– Можете исследовать что хотите, вы здесь именно для этого. Вы психиатр. Вы здесь, чтобы во всем разобраться.

– Психолог. Судебный.

– Разберитесь – и все, – говорит Малколм и прибавляет, уже мягче: – Помогите нам, пожалуйста. Так продолжаться не может.

Он встает, скрежетнув стулом.

Я тоже поднимаюсь, из вежливости, но я в недоумении. Это что – всё? Я притащилась сюда посреди дня из Фалмута ради короткой получасовой беседы? И сейчас меня выводят?

Но, похоже, нет.

Малколм извлекает из кармана парусиновой непромокаемой ветровки связку ключей, бросает их на роскошную темную столешницу кухонного островка и подталкивает ко мне. Ключи коротко звякают в тишине, и дом с готовностью от-

зывается ЭХОМ.

– Вот, – мрачно говорит Малколм. – Ключи от Балду.

Я колеблюсь.

– Вы уверены?

Малколм глубоко вздыхает.

– Нам очень, очень нужна помощь. И... дети благодарны вам. Солли признался, что вы ему очень понравились. Сказал, что мы должны на Рождество подарить вам подарок. Говорит – надо приручить сову из Тривейлорского леса, вам понравится. – Малколм позволяет себе безрадостный смешок и тут же переключается на деловой тон: – Я много работаю, дети уезжают в школу, приезжают из школы. Футбол, у Грейс занятия музыкой, она на флейте играет, приятели приходят в гости – иногда. Молли тоже заглядывает, помогает. Я не могу быть здесь в каждый ваш визит, а вы станете регулярно приезжать. Значит, вам понадобятся ключи.

Я неуверенно беру связку, рассматриваю. Должна ли я их принять? И что подумает Отто? Вспыхнет оранжевым, призывая быть осторожной?

– Серебристый ключ – от входной двери. Короткий и толстый – от задней двери, вот этой, кухонной. С остальными разберетесь. Что еще? – Малколм хмурится, вопрос явно обращен к самому себе. – Вы можете столкнуться с Майлзом, это мой младший брат. Он тут болтается иногда, заблудился в собственном внутреннем мире. Вы его сразу узнаете. Еще приходит Триша, уборщица, вы ее видели. Но она с уборкой

справляется быстро, всегда в наушниках и всегда в накинутом капюшоне. Бывает дважды в неделю. Это все. – Он пожимает плечами, деловито застегивает молнию на куртке. – Ладно. Мне надо бежать назад, в «Фал». Катастрофа с морозильником для полуфабрикатов, везде баранья кровь. Дом в вашем распоряжении, пока Молли не приведет детей из школы, они уже должны скоро вернуться. Молли за ними приглядывает.

Одарив меня напоследок холодной улыбкой, Малколм уходит. Я слышу, как хлопает дверь и как ревет во дворе старая, но мощная машина, огибая безглазые хозяйственные постройки.

Уехал.

Я одна в Балду-хаусе. Малколм вверил мне это место. Человек, который чувствует за собой ви ну и которому есть что скрывать, так не поступит. Так что Малколм, возможно, не лжет, просто дети реагируют в цветисто-иррациональной манере, на определенных стадиях детского горя такое случается.

Я уже сделала несколько заметок о детском горе, чтобы освежить знания.

Беру телефон, читаю:

Симптомы горя обычно ослабевают спустя четыре месяца после смерти близкого человека; в первые же месяцы регулярно появляются боли в животе, головная боль, тяжелая бессонница. Лишь у одного

из пяти детей наблюдаются симптомы клинической тяжести, десять процентов будут после смерти близкого функционировать с нарушениями около трех лет.

Мальчики реагируют – внешне – хуже девочек. Агрессия, нарушение сна, мочеиспускание в постель, предшествующий разлад между родителями усугубляет проблему. Стрессоустойчивости способствуют родительское тепло, авторитет и строгая дисциплина.

У семилетних детей бывают кошмары, сны об усопшем, головные боли, в некоторых случаях возможны галлюцинации.

Там очень много всего. Из прочитанного я заключаю, что поведение младших Тьяков однозначно нездоровое, у них расстройство. Но нельзя сказать, что они вообще не в себе. Надо копнуть поглубже.

И начать лучше всего сразу, не откладывая в долгий ящик. Я осматриваюсь, размышляю. Можно обследовать пустые комнаты или сад, лес, мрачные старые сараи, но сейчас мне больше всего хочется изучить две вещи. Первым делом – зеркало. И посмотреть на водопад, возле которого погибла Натали Тьяк.

Я подхожу к полке, беру старинное зеркало в руки. И внимательно разглядываю.

Изящная вещица из полированного серебра, удивительно тяжелая для дамского зеркальца – металл массивный. Ценный предмет. Вокруг стекла очаровательная филигрань в виде цветов и лоз. Ручка попроще, я присматриваюсь – и за-

мечаю надпись и какие-то потертые зубчатые уголки, здесь наверняка были герб или эмблема.

Зеркало похоже на европейское, но с одной стороны надпись по-китайски. Я достаю телефон и делаю несколько снимков, это надо перевести, запросить оценку, но поразмышлять я уже могу. Старинное китайское зеркало. Как оно оказалось в Балду-хаусе, как попало к Натали Тьяк и почему стало ее любимой вещью?

Я поворачиваю зеркало – и холодею: еще одна надпись, изящная, отчетливая.

Уильям Тьяк – любимой дочери Фрэнсис.

ПЕНЗАНС, Корнуолл, 1832

1832 год? Нетрудно догадаться, как зеркало попало в Корнуолл, в Пенуит, в Балду. Ценная китайская вещь была, наверное, на каком-нибудь корабле, который возвращался из Азии и сбился с курса.

Судно потерпело крушение в Пенберт-коув, и все его сокровища рассыпались среди морских водорослей и скал. Я так и вижу, как моряки выбиваются из сил, как исходят криком от боли, пытаясь ползком добраться до безопасного места, а энергичные убийцы уже спустились со скал, с дубинками и топорами, готовые размозжить им головы. Потом разбойники забирают ящики с чайным листом, отрезки шелка – и шкатулку с китайскими диковинками, среди которых и утонченное дамское зеркало. Ноэль Осуэлл даже упоминал о «китайском серебре».

Так зеркало и оказалось здесь – отцовский дар дочери, в Балду его передавали из поколения в поколение.

Мне приходит в голову другая мысль, еще более мрачная. Владелица этой вещицы могла плыть на корабле, выжить в крушении и добраться до берега – для того только, чтобы ее зарезали при свете луны, а труп осквернили и ограбили, а потом унесли это сокровище.

Теперь зеркало кажется мне отравленным. С полминуты я смотрю в старинное стекло на свое бледное пухлое лицо, полное тревоги. Зеркало кажется мне обиталищем призрака, хотя я понимаю, что это ерунда. Оно просто история – зловещая, пугающая.

Вернув зеркало на место, я выхожу из дома.

На улице холодно, небо серое, мир застыл. Я довольно быстро проделываю путь, который Натали проделывала, быть может, сотни раз: крыльцо, гранитная стена кухни, небольшая полянка, узловатые дубы и старый, изъеденный ржавчиной указатель: «На пляж».

Меня ненадолго задерживает шум. Хлопают дверцы машины, слышатся голоса Молли, Солли и Грейс: они вернулись. Может, поздороваться с ними? Нет. Я хочу увидеть водопад, это кажется мне важным. А еще я помню напыщенные слова Ноэля Осуэлла: «Печально известный берег».

Уверенным шагом я продолжаю идти туда, куда и собиралась. Дорожка тянется между желтыми кустами цветущего утесника и невысокими прибрежными дубами, потом по уз-

кой зеленой долине Бат-шебы. Дальше у дорожки нет особого выбора, с обе-их сторон высятся каменистые склоны, заросли колючек и крапивы загнали меня в коридор.

Как ни странно, даже в пасмурный осенний день прогулка близка к идиллической. Папоротниковая красота долины вполне отвечает ее лирическому библейскому названию⁴⁹. Ручей, текущий в долине, напился недавними дождями и радостно поет. Наверное, весной это место превращается в рай. С буйством луговых цветов.

Здесь нет мусора, ничто не свидетельствует о беспечных туристах; мы на краю земли. Один только посеревший футбольный мяч с дырой в боку намекает, что сюда забегают дети – наверное, здесь был Соломон. Из мяча в ручей сочится что-то красно-маслянистое.

Я останавливаюсь – надо выбрать путь, очевидная тропинка становится менее очевидной. Тенистая дорога разделяется, разделяется и поток, один рукав течет вниз по холму. Поколебавшись секунду, я поворачиваю направо, несколько минут следую за ручейком – и вдруг понимаю: я не одна.

⁴⁹ *Bathsheba* – Бат-Шеба, Вирсавия.

На дорожке, на полпути вниз, стоит какой-то мужчина и смотрит на футбольный мяч.

Высокий, моложавый, привлекательный. Уверенный вид, квадратное лицо, рыжеватые волосы. Недешевые «веллингтоны» придают ему почти военный вид. И дорогая зеленая куртка из вошеной ткани – куда новее, чем у Малколма.

– Здравствуйте, – говорит мужчина и, не дожидаясь моего вопроса, продолжает: – Сэм Беренсон. – Он протягивает мне руку для приветствия.

Я различаю еле уловимый акцент, американский, но не слишком. Сэм Беренсон спрашивает, растягивая слова:

– Вы из дома? Из Балду?

После некоторого колебания я отвечаю:

– Я, м-м...

– Вы Каренза Брей? Психолог? Из Фалмута?

Откуда он знает?

– Э-э...

– Простите, что напугал. Я сосед, мы с женой живем в усадьбе Энджарден, это выше по холму. Я решил прогуляться, пока дождя нет, как раз возвращаюсь домой. Малк мне про вас рассказывал.

Он пожимает плечами, грустно улыбается, произносит еще несколько банальных любезных слов. Минуты уходят. Я

чувствую разочарование, сержусь, но тут Сэм спрашивает:

– Хотите спуститься к водопаду?

– Да.

– А. То самое место. Говорят, опасное. На камнях трудно удержать равновесие, особенно когда сыро.

– Я слышала.

Он скорбно вздыхает:

– Как ни приду туда – думаю об одном и том же. Как грустно.

Я внимательно вслушиваюсь в акцент. Нью-Йорк?

– Ужасно *нелепо*, – продолжает Сэм. – Случайность. Бедные дети. Она была такой молодой, красивой, и... ее все любили.

– Ужасная трагедия, что и говорить.

Я не знаю, что еще сказать. Меня пробирает легкая дрожь. Я указываю на дом, еле видный за деревьями. Наверное, это и есть Энджарден.

– Вы давно там живете? Вы с женой?

– Будь это Нью-Йорк или Лондон, я бы сказал, что мы всегда там жили. Шесть лет как минимум. – Он смеется. – Я далеко не сразу понял, что в Корнуолле «я здесь живу» значит «здесь родился и прожил всю жизнь мой прапрадедушка. На полмили ниже рудника. И ел пироги с репой».

Я улыбаюсь.

– С брюквой. Пироги бывают с брюквой. Да, все так и есть. Корнуолльцы – люди недалекие.

– Как это?

– В том смысле, что они пришли сюда за три тысячи лет до нашей эры и с тех пор не снимались с места. И даже если уезжают куда-нибудь далеко, то стремятся вернуться. Я вернулась.

– А-а.

– Ну а вы-то как сюда попали? – спрашиваю я. – От Манхэттена путь неблизкий.

– В молодости я перебрался в Лондон, учился в колледже, Лондонская школа экономики. Поэтому и утратил акцент – почти. Жена моя британка до мозга костей, всегда жила в Лондоне, но у ее родни здесь летний домик. Возле... как же его... Кэрбис-бэй? – Он с уверенным видом упирает руки в бока, как и подобает землевладельцу. – Я финансист, жена – дизайнер. У нас в Лондоне один из этих ваших обычных таунхаусов, но жена говорила, что ей всегда хотелось жить здесь, на побережье, а потом сказала, что нашла идеальный дом, Энджарден. Он чем-то похож на Балду, только поменьше и... Ну... Чердак не протекает. Если вы понимаете, о чем я.

– Да уж, понимаю.

– Я, честно говоря, думал, что мне здесь не особо понравится и мы через несколько месяцев вернемся в Лондон, но это место пришлось мне по душе. Пока отсюда можно сбежать через недельку-другую – в особенности зимой, – оно потрясающее. Мы к Балду ближе всех, так что свели дружбу

с Натали и Малколмом. Дети часто к нам приходили. Солли любил гонять мяч у нас на лужайке, Натали тоже навевывалась... – Сэм поднимает воротник непромокаемой куртки, словно хочет закрыться не только от ветра, но и от вопросов. – А теперь они у нас не появляются. Черт, вот ведь беда. А моя жена не хочет вмешиваться. Больше не хочет. – Он вздыхает. – Дети. Я был там на днях, когда у Солли случился нервный приступ...

– Да?

– Да уж. Молли потребовалась помощь. Она мне сразу позвонила. И когда мы с Соломоном были у него в комнате, он эти слова и сказал. О своей сестре, господи, какой же это был ужас. И рычал при этом, как собака. А еще он вечно видит черных птиц. Почему Соломон сказал, что Грейс ее убила? Почему именно *так*?

Я потрясенно молчу несколько секунд, после чего выдавливаю:

– *Что* сказал Соломон?

Сэм неуверенно смотрит на меня.

– Он сказал – или, во всяком случае, намекнул, – что... Грейс убила ее. Убила Натали. После того как Грейс пыталась обвинить в этом Соломона... – Он смотрит на меня, приоткрыв рот. – Черт. Малк что, ничего вам не рассказывал?

– Нет. Этого точно не рассказывал.

Сэм качает головой:

– Вот же меня занесло. Извините.

– Все нормально. Я только...

– Ну, мне пора. Простите, я немножко забрел за флажки.

Я... просто шел домой. Рад был познакомиться. Надеюсь, мы еще увидимся.

Несмело стучается кулаком о мой кулак, словно у него нет времени на рукопожатие, после чего стремительно удаляется, почти убегает, исчезает в черной сетке линий из узловатых ветвей зимних деревьев, пробирается домой, в Энджарден.

Рассерженная и взволнованная, я возвращаюсь на главную тропу и поворачиваю направо, к водопаду. У Малколма Тьяка было предостаточно времени рассказать мне обо всех этих более чем важных вещах. Но он ничего не рассказал, а значит, я все-таки была права, он лжет или как минимум умалчивает о чем-то. Но если так, то какой во всем этом смысл? В моих визитах сюда? Если меня потчуют неправдой?

Я вряд ли смогу поддержать его детей, если он и дальше будет обманывать меня в столь существенных вещах. Если дети чувствуют вину настолько, что считают себя ответственными за гибель матери, то это чувство, сколь бы нелогично оно ни было, во многом объясняет странности их поведения.

А также указывает на более глубокие слои истории. С чего бы детям чувствовать ответственность за смерть матери?

Бесконечное множество объяснений приходит мне в голову, пока я шагаю по нужной тропинке, по верной дороге, по пути истинному. Перелезаю по двум приступкам, и сквозь прорехи в стене колючего кустарника уже виднеется необъятное море. Третья приступка – и передо мной открывается залив Зон Дорлам. Я слышу водопад, вижу его брызги. Вот оно. Здесь поток Батшебы мчится мимо нас, с грохотом выбегаем к обрыву – и очертя голову прыгает в воздух. Словно кто-то обманул его доверие.

Водопад полон грации, красоты, силы, он живой. Я вдруг ловлю себя на мысли: а хорош ли этот обрыв в смысле альпинизма? На скале много мест, куда можно упереться ногой, но вода делает гранит безумно опасным. Я скучаю по скалам.

А вдруг свалишься с самой кручи? Шестьдесят футов – и пропасть, а внизу камни. Исключительно простой способ умереть.

Втягиваю воздух, сырой, прохладный. Пахнет свежестью, и все же к ней примешивается еще какой-то запах. Гниющие водоросли? Я стираю с глаз влагу: порывы ветра несут мельчайшие капли вверх по скале, просаливая меня, обдавая брызгами, пока я размышляю, о чем думала здесь той ночью Натали Скьюз. Столкнули ее, спрыгнула она сама или нечаянно упала? Неужели она не думала о своих чудесных детях? Или думала о них и плакала?

Размышляя об этом, я вдруг вижу внизу, на пляже, маленькую фигуру.

Это Соломон Тьяк, и он один. Подошел к самой воде, опасно близко, на этом *печально известном берегу*. Похоже, бросает что-то в волны, что-то маленькое. Мне не видно, что именно.

А потом он заходит в воду. Совсем как моя собственная дочь, которая лунатически брела навстречу своей роузлендской смерти.

– Соломон!

Я кричу что есть сил, перекрывая рев волн и шум водопада.

– Соломон! Солли! Стой!

Мальчик не реагирует. На нем школьная форма – шорты, белая рубашка, пуловер – и курточка. Замерз, наверное, день холодный, а он в воде уже по щиколотку, его будто гипнотизирует вид волн. Он что, *лунатик*?

– Соломон! Постой!

Снова никакой реакции, Соломон даже не вздрагивает. Вода уже почти по колено, волна побольше легко собьет его с ног и утащит за собой. Быстрее, должна же здесь быть какая-нибудь тропинка. Надо остановить его. Что он вообще вытворяет?

Мальчика почти не видно за пеленой брызг. Пробираюсь левее и вижу, что вниз, извиваясь, ведет слякотная ненадежная тропка. Придется съезжать на пятой точке. Буду вся в грязи, но плевать.

Еще немного – и я на берегу, отчетливо вижу Солли. Он забрел в воду еще глубже, не отрывает взгляда от волн и тут наконец оборачивается на мой крик, темные глаза сверкают, будто он злится на меня, будто я совершила нечто ужасное, но в то же время в этих глазах отчаяние и печаль, ско-

рей, скорей, броситься к нему, схватить. Схватить, успеть! С Минни, моей дочерью, мне не удалось, но на этот раз я на чеку, на этот раз все *по-другому*.

– Солли!

Он едва знает меня, он мне чужой – и все же я чувствую в душе странную почти-любовь, обжигающую, неистовую. Я хватаю его, прижимаю к себе, крепко-крепко, надежно – и тащу из воды. Какой он маленький, меньше, чем была Минни, и насколько легче спасти его.

– О господи... Соломон!

Он у меня на руках, в безопасности, мы на берегу, и я чувствую, как он обмякает. А потом начинает содрогаться всем телом, плачет у меня на груди, этот бедный горящий мальчик.

– Солли, что ты там *делал*?

Он силится ответить и невнятно выдавливает:

– Ат-т-тинаяк.

– Что?

Мальчик поворачивает ко мне милое лицо, во взгляде надежда и тоска, как он напуган, я чувствую сладкое детское дыхание. Буйные рыжие волосы спутались, мокрые от соленой воды, одежду хоть выжимай. Ему нужно домой, в Балду. Но сначала надо успокоить его.

– Соломон, что ты хочешь сказать? «Ботинок»?

Мальчик глотает холодный воздух.

– Говорят... они говорят... они сказали, что на ней был

один ботинок, когда ее нашли на берегу, и... Носят же два ботинка? И я принес ей ботинок.

О чем это он?

– Кто нашел ботинок?

– Ботиночек, малышовой, и я его принес. Может, мама тогда вернется из моря, как они.

– Кто?

– Она... Каренза! А мама вернется из моря? Может, ее снова вынесет на берег? Ее тело?

– Солли, Солли! – Я крепче прижимаю мальчика к груди. – Вряд ли. Мне жаль, мне так жаль. Но пошли-ка домой, ты промок насквозь. Тетя Молли дома, да?

– Да, она с Грейс, я и убежал сюда.

– И часто ты сюда сбегашь?

Его сотрясает дрожь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.